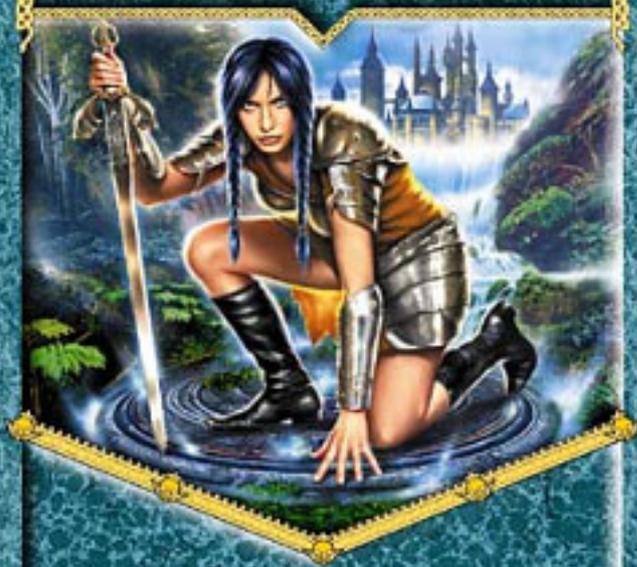

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна КЛИМЕНКО

ЗАКОН ОТРАЖЕНИЯ

Издательство «Лабиринт»

Анна Клименко
Закон отражения
Серия «Хроники отражений», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143606
Закон отражения: Армада; Москва; 2006
ISBN 5-93556-703-2

Аннотация

Странствующие ведьмы, чей долг – помогать людям; командор императорской армии, прозванный тенью владыки; король медленно угасающего народа и честлюбивый император, желающий во что бы то ни стало расширить границы своих земель... Они далеки друг от друга, но судьбы их связаны. Станет ли древнее королевство частью Империи? Найдет ли молодой правитель путь к спасению своего народа? И сможет ли одинокая ведьма преодолеть все препятствия на своем пути? Все это – дело случая... в мире, где темные помыслы и деяния отражаются от небесного купола и дают жизнь Народу Зла...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Клименко

Закон отражения

Пролог

...Истинная сила Владыки Великой Империи – в его воле, в его помыслах, кои воплощаются в приказах и мудрых решениях. И так ведет император народ свой сквозь годы, укрепляя власть свою и расширяя границы государства.

Квентис, волею Хаттара Всеобъемлющего властелин Империи, перечел отрывок вслух. Затем откинулся на жесткую спинку отцовского кресла и, прищурившись, сквозь трепещущий огонек свечи поглядел на человека, которого при дворе – и совершенно справедливо – называли *тенью Императора*.

– Неплохо сказано, а, Геллер?

Тот сдержанно поклонился.

– Да, мой повелитель.

– Я слышал об авторе сего трактата. Знающий был человек. Только вот не учел, что на самом деле всем правит случай. Всегда слепой и равнодушный...

Геллер приподнял бровь, но промолчал, предпочитая дожидаться продолжения императорского монолога.

Однако Квентис не был расположен к ученой дискуссии. С шумом захлопнув книгу – отчего та обиженно выплюнула легкое облачко пыли, он встал и потянулся.

Сквозь приоткрытое окно в кабинет Его Императорского Величества просачивались легкие, едва различимые ароматы ранней весны: сырая земля, только что освободившаяся от снега и молодая хвоя. Да, именно так всегда и пахла весна в Алларене.

– Пойди, распорядись, чтобы приготовили двух коней, – сказал Квентис.

– Да, мой повелитель.

Короткий поклон – и его *тень* беззвучно исчезла за дверью. Император же постоял немного у приоткрытого окна, вдыхая полной грудью весеннюю свежесть, а затем, повинуясь внезапному порыву, снова раскрыл фолиант. Как раз на том месте, где достопочтенный автор «Искусства правления государством» излагал свои соображения по поводу императорской воли. Квентис перечел отрывок еще раз и нахмурился.

Ты полагаешь, что именно случай дал тебе шанс? Ах, да. Гонец Магистра так сказал... Но откуда тебе знать всю правду? Быть может, Магистр, этот старый паук, долгие годы плел свою паутину заклятий, только чтобы в сети попалась нужная нелюдь? И, может быть, для них ты всего лишь мальчишка, легко принимающий на веру лживые слова чародеев? Или еще хуже – кукла, которая начинает двигаться только тогда, когда кукловод дергает за ниточки?..

Все это могло быть и так. Из окна потянуло промозглым холодом – ветер изменил направление, подул со стороны северных болот. Квентис поежился.

– Но, так или иначе, ты имеешь то, что имеешь – и глупо не использовать это в своих целях, – сказал он себе в попытке отогнать тревожные мысли, – даже если маги все подстроили.

...Квентис неслышно выскользнул из дворца через ход для прислуги. Геллер уже ждал в седле, держа под уздцы императорского жеребца Ворона, огромного, норовистого и злого.

– Куда едем, мой повелитель?

Квентис неопределенно махнул рукой.

– По Алларену. А там – видно будет.

И, потрепав Ворона по холке, император легко вскочил на широкую конскую спину.

Они миновали узкую полоску Бокового парка, где мощные дубы в немой мольбе воздевали обнаженные руки к лику Хаттара, и выехали в квартал Величия, с самого основания Алларена обжитый сливками аристократии. Свет двух лун – Большого и Малого глаз Отца Неба – струился по стенам дворцов, сложенных из белого мрамора, глянцево блеснул на полированных завитках барельефов, ложился влажными бликами на кружево оград. Здесь, как и в пределах императорского дворца, Квентис чувствовал себя в полной безопасности: богатые кварталы Алларена патрулировались лучшими гвардейцами.

Ворон, прядая ушами, уверенно шагал вперед, громко цокая подковами по мостовой. Рядом, бок о бок, шел конь Геллера.

– Я собираюсь присоединить земли за Эйкарнасом к Империи, – негромко сказал Квентис, – случай благоволит ко мне, и я не упущу такой возможности.

Геллер долго молчал, с преувеличенным вниманием рассматривая вычурную ограду. Затем с сомнением покачал головой.

– Мой Император. Вам следует обсудить это с министрами – не со мной. Дэйлорон оказался крепким орешком в прошлом...

– Чушь. Все это было давно. Нелюдь, эти дэйлор, медленно вымирают. Если дать сражение на открытой местности... Их королю ничего не останется, как подписать капитуляцию.

Геллер натянул поводья и с нескрываемым удивлением посмотрел на Императора.

– Но, мой повелитель, они *никогда* не выйдут из своих чашоб! И никогда не дадут бой... Они будут подстерегать наших воинов за каждым деревом, будут появляться из ниоткуда – и точно также исчезать в туманах...

Квентис едва не рассмеялся. О, знал бы Геллер...

– Молчи. Я полностью отдаю себе отчет в том, что делаю. Дэйлорон будет принадлежать Империи – вместе со всеми его рудниками!

– Воля Императора священна.

Снова воцарилось молчание. Бросив косой взгляд на Геллера, Квентис вдруг поймал себя на том, что совершенно не знает, о чем думает его тень. Это было плохо – очень плохо. Настоящий император должен видеть насквозь своих подданных и, уж конечно, знать о том, что творится в их головах. И Квентис – в который раз – пожалел, что так и не смог уговорить магов служить империи.

– *Мой Император... Ваш Отец – да будет спокойным его пребывание в садах Хаттара – не нарушал старых традиций. Мы надеемся, что вы пойдете по его стопам.*

Голос мага был слащавым, лился, как медовый взвар.

– *Я хочу, чтобы Закрытый город принимал участие в делах Империи, – жестко изрек Квентис, – почему вы отказываетесь? Не забывайте, что Закрытый город не устоит против императорской армии.*

– *Но, мой повелитель... Дела Империи – вне магии, а нам, людям ученым, нет дела до того, что вне нашей науки. И потом, – голос внезапно обрел твердость закаленной стали, – Магистр будет опечален, узнав о том, что вы угрожали нам, смиренным ученым...*

Квентис пожал плечами.

– *Хорошо, маг. Но я желаю получить доказательства вашей лояльности. Мне не нравится, что в самом сердце Алларена сотни людей занимаются неизвестно чем, да еще и имеют наглость отказывать в присяге своему повелителю.*

– *Разумеется, мой Император. Магистр подозревал, что вы потребуете доказательств... И прислал вам в подарок... эту презренную нелюдь.*

– На что она мне? – Квентис заглянул в черные глаза растрепанного существа и невольно поежился: взгляд нечелюди буквально пылал ненавистью. Если могла бы, то загрызла.

– Магистр просил передать, что это дар Случая, и что молодому Императору следует использовать этот дар по назначению.

Скорее всего, в этот момент на лице Квентиса отразилось полное непонимание происходящего, потому что по тонким губам чародея скользнула хитрая улыбка.

– Вам следует допросить нечелюдь, мой повелитель. И тогда кусочки мозаики соберутся воедино, а картина в целом покажется вам весьма приятной...

Ворон остановился и негромко заржал. Это отвлекло Квентиса от размышлений; он огляделся – и только тут заметил, что квартал Величия закончился, упершись в аспидно-черную зубчатую стену.

Закрытый город, где собрались маги Империи.

Квентис вздохнул и подумал, что надо было ехать в другую сторону, по кварталу Наследия – пусть и не столь красивому, но зато оканчивающемуся прелестным прудом.

Стена глянцево блестела, отражая лунный свет, и только сейчас Император заметил, что она словно вырублена из цельной каменной глыбы. Он задрал голову и посмотрел на устрашающего вида фигуру гарпии с распростертыми крыльями. На миг ему померещилось, что челюсти каменной твари шевелятся, пережевывая неведомую добычу; он зажмурился – а когда открыл глаза, гарпия снова была неподвижным, застывшим навеки камнем.

Вздыхнув, Квентис предпочел считать иллюзию игрой лунного света или своего не в меру разыгравшегося воображения.

– Поехали, Геллер.

– Да, мой император.

– А Дэйлорон я все равно заполучу. И ты – да, именно ты, станешь командором, главнокомандующим. Такова моя воля.

* * *

Гвейра Нион д'Амес задыхалась. Ноги с трудом отрывались от родной земли, каждый следующий шаг давался тяжело – словно она бежала по вязкому илу.

Поскальзываясь и едва ли чувствуя, как колючки раздирают одежду, юная дэйлор бежала из последних сил, прижимая к груди драгоценную ношу.

...Король умер – да здравствует король! Кейлор д'Амес, справедливейший и мудрейший правитель Дэйлорона, прекрасный, как лунный цветок, что каждую ночь раскрывается на черном зеркале Поющего озера, покинул этот мир столь внезапно, что не успел даже провозгласить имени наследника трона. В таких случаях, по закону дэйлор, следующим правителем становился брат усопшего из Младшего Правящего Дома. А жены умершего и личинки, не достигшие *перехода*, отправлялись вслед за своим господином.

Король должен быть один, дабы не вносить раздор и в без того слабое государство.

Гвейра Нион д'Амес, хватая ртом вязкий, с привкусом молодой хвои, воздух, бежала. Без особой надежды уйти от погони, прижимая к сердцу крошечного принца, последнего из дома д'Амес, кто мог бы носить корону... Мог... Если бы Кейлор успел провозгласить его наследником.

И разве может существовать что-либо более прекрасное, чем это покрытое серой, сморщенной кожей создание? Пусть сейчас он мало похож на дэйлор – но это начало жизненного пути любого из них. Первые пять лет жизни зубастая и когтистая личинка, затем – быстро растущий кокон, питаемый волшебством Дэйлорона, и, наконец, взрослый дэйлор, не знаю-

щий ничего – но слышащий голос своей земли и память предков, а потому помнящий все, о чем могли поведать те, кто жил раньше...

Она крепче прижала к себе малыша. Сердце болезненно сжалось, когда тонкие, с острыми коготками пальчики вцепились в воротник.

Ему оставались считанные дни до окукливания. Суждено ли было этому крошке пережить преобразование собственного тела, в то время как едва ли не девять из десяти личинок погибали? Долгие пять лет Гвейра молила об этом землю и Поющее Озеро. Она чувствовала, что сердце Дэйлорона внемлет, и верила в то, что эта личинка станет сильным воином. Разве могла она позволить, чтобы его лишили жизни *теперь*, когда только-только приоткрылся жизненный путь?

В воздухе тонко просвистела стрела – и впилась в ствол стальным зубом, точно в то место, где мгновением раньше была голова Гвейры. Одного быстрого взгляда назад оказалось достаточно, чтобы осознать всю безнадежность положения. Лучники стягивались вокруг Гвейры, замыкая широкий полукруг в кольцо, из которого мог бы вырваться воин-куница, но не женщина с личинкой на руках.

Принц зашевелился в покрывале, тревожно пискнул, словно чувствуя приближающуюся опасность. Да и, собственно, почему – «словно»? Личинки все чувствуют, все понимают... Быть может, они даже многое знают... но молчат...

Овдовевшая, низложенная и приговоренная королева рванулась вперед, к просвету между стволами, уже почти не чувствуя своего тела. Там, чуть дальше, ее ждало спасение – тайный камень портала, о котором знали только члены дома д'Амес, и который должен был выбросить ее далеко от дворца. Быть может, даже за пределами Дэйлорона – Кейлор никогда не посвящал ее в подробности, он был слишком уверен в собственной безопасности.

Воздух опять вспороли десятки стрел, и...

...Горячая волна поднялась вверх по горлу, сбив дыхание и мгновенно заполнив рот горько-солонатовой жидкостью; под ключицей вспыхнула боль, словно кто-то вбил туда раскаленный гвоздь.

Почему же... вместо того, чтобы бежать, она лежит, скорчившись, на боку, а сверху на нее с холодным любопытством взирают звезды, застывшие в пустоте слезы Творца?!!

Гвоздь боли, засевший в спине, не давал вдохнуть, заливая сознание зыбкой багровой пеленой. И Гвейра поняла, что проиграла.

С ужасом слушая, как булькает и клокочет в легких, она все-таки отвоевала крошечный поток воздуха, но этого было слишком мало. Стало холодно – так, будто Смерть уже поглаживала ледяными пальцами содрогающееся в агонии тело.

Продолжая сопротивляться, дэйлор попыталась подняться; ей казалось, что она все-таки пройдет еще несколько шагов, чтобы нырнуть в подготовленный портал.

– *Я не могу отдать его им.*

– *И не отдашь. Этот дэйлор принадлежит мне.*

Что-то теплое легко, как мягкое перышко, коснулось щеки.

А голос, прозвучавший в угасающем сознании Гвейры, был одновременно похож и на журчание ручейка, и на шелест крон, и на сухой стрекот кузнечика в нагретой солнцем траве. Он принес странное успокоение; дэйлор показалось, что она лежит на теплой, упругой траве, а в вышине перешептываются сосны. Она почти увидела яркое небо с редкими пушинками облаков, почувствовала жар, исходящий от коричневых стволов в разгар летнего дня... Боль ушла. Остался лишь покой – и золотистые былинки, кружащиеся в горячих потоках света.

– Спасибо тебе, – прохрипела Гвейра, чувствуя, как, вытекая изо рта, по щеке пролила дорожку горячая струйка, – спасибо...

Потом... в нее устремилась Сила, к которой она не обращалась ни разу за свою недолгую жизнь, поскольку *не уродилась магом*. Но Память Предков ожила, и дэйлор, черпая знания тех, кто жил раньше, открыла портал.

Откуда-то издалека донеслись исполненные ярости крики преследователей.

Они были близко – и все-таки не успели: тоннель сквозь пространство погас, свернулся, унося принца Дэйлорона в неизвестность.

И тогда Гвейра закрыла глаза, наслаждаясь теплом и густым запахом хвои. Она становилась крошечной пылинкой и могла с потоком горячего воздуха вознестись к самому небу, туда, где сплелись изумрудные кроны деревьев-стражей. И еще выше – к пушистым облакам, плывущим в неведомые края. Выше... Еще выше...

* * *

Вампир, древний и могущественный, левитировал на расстоянии локтя от пола. Скрестив ноги и положив расслабленные руки на колени, он сидел с закрытыми глазами и слушал отголоски всплесков Силы.

Происходящее в Дэйлороне мало нравилось ему; плохо, когда и без того вяло угасающее государство потрясут убийства и предательства; еще хуже, когда вся эта мерзость угнездилась среди кровной родни. Но вот уже много столетий он не был дэйлор – а потому предпочитал не вмешиваться. Он всего лишь готовил умелых воинов для народа, к которому когда-то принадлежал, и это было, на его взгляд, хорошо и правильно, особенно учитывая то, что не осталось чародеев в Дэйлороне, владеющих боевой магией.

То, что молоденькая дэйлор смогла перед гибелью открыть портал, немного удивило и порадовало вампира. Он бы не отказался проследить и дальнейший путь личинки – но такая задача была не по зубам даже ему.

Впрочем, происходящее являлось делом Правящих Домов; Дом, к которому сам он когда-то принадлежал, давно угас – а потому все склоки между претендентами на престол были ему неинтересны.

Второй отголосок заинтересовал куда больше этого представителя темного народа: это было эхо убийства, отраженное гранями мира. Многие обитатели поднебесья питались такими отражениями – высшие вампиры, упыри, зеркальники, болотные ночницы. Это были те, кого люди прозывали темной нелюдью, дэйлор – *n'tahe*, народом Зла, а далекие западные кочевники, дикие люди, избегшие ярма Империи – владыками Ночи. Народ Зла был многолик, и, как подозревал вампир, своим существованием обязан природе мира и *отражениям*. Впрочем, это были всего лишь его догадки, и он не мог ни доказать, ни опровергнуть их истинность.

Впитав в себя частичку отражения, старый вампир ощутил себя чуть-чуть сильнее. Наверняка то же самое испытали и сотни других *n'tahe*, разбросанных по всему поднебесью... Но об этом он уже старался не думать.

Глава 1

Три ведьмы

– Ненавижу переезды.

Миральда с удивлением поглядела на сестру, натянула вожжи.

– Что это с тобой? Раньше ты так не говорила.

– Есть в словах Глорис правда, – усмехнулась Эсвендил из глубины повозки, – это третий переезд за последние два года. Было бы неплохо, наконец, где-нибудь обосноваться.

Миральда вздохнула. Тяжело быть старшей. Особенно, когда разница в возрасте всех трех сестер не превышает четырех часов.

Эсвендил, будто почуяв хорошую перебранку, выбралась на свет и уселась рядом с Глорис, кутаясь в старую шаль.

– Если вы хорошенько покопаетесь в памяти, – подлив в голос капельку яда, сказала Миральда, – то вспомните, что сами виноваты в наших переездах. Вот ты, Эсвендил, вспомни, отчего староста Грепп весь покрылся нарывами?

– Он избивал своих детей и жену, – сухо заметила та, – он должен быть благодарен за то, что я не придумала чего похлеще.

– Гм... – Миральда покачала головой, – ну а ты, Гло, вспомни, как приволокла к нам в дом упыренка, а потом потехи ради подпустила его на свадьбу...

Глорис, не найдясь, что и ответить, капризно оттопырила губы и отвернулась.

– Сейчас мы спустимся с этого холма, – тихо сказала Миральда, глядя на купающуюся в предрассветной дымке долину, – и... обещайте мне, что не будете делать никаких гадостей жителям той деревни, где нас примут.

– Ну, это еще зависит от того, *как* они нас примут, – Эсвендил прямо-таки сверлила взглядом мутные очертания домиков у подножия холма. И взгляд ее темно-зеленых глаз показался Миральде не обещающим ничего хорошего их будущим соседям.

– Глорис? А ты что скажешь?

– То же, что и Эсвендил, – младшая нехорошо усмехнулась.

– Вот и прекрасно. Поехали.

Миральда отпустила вожжи, и старенькая лошадка потащила дальше их возок, груженный ведьмовскими пожитками.

Все-таки тяжело быть старшей среди трех сестер-близняшек. И, хоть и похожи они друг на друга, как две... нет, как три капли воды – у каждой свой характер, свои привычки, свои предпочтения в выборе заклятий и источников Силы... Вот, к примеру, Эсвендил. Пожалуй, ее можно сравнить с остро отточенным клинком – всегда строгая, собранная, готовая действовать в любой момент, не знающая колебаний... Вот только не хватает ей мягкости...

А Глорис – вечно колеблющаяся ведьма, все время ищущая тонкую грань, разделяющую добро и зло. Странная ведьма, которая может пожалеть раненного упыренка, проклятую *нелюдь*, с которой они должны бороться, притащить его в дом и выхаживать – и в то же самое время извести первую красавицу на деревне, кичащуюся своим лицом перед подружками.

Себя Миральда оценивала как самую правильную и уравновешенную ведьму, которая всегда остается на стороне людей, защищая их от страшных порождений тьмы.

Впрочем, это было ее собственное мнение – и оно могло быть ошибочным.

Возок, скрипя, полз навстречу неизвестности.

– Чего нас понесло в пограничные земли? – вдруг подала голос Эсвендил, – терпеть не могу дэйлор. Уж лучше бы мы подались на запад, к Кайэрским топям.

– Кайэрские топи – это тоже пограничье, – мягко возразила Глорис, – и здесь все-таки будет спокойнее. Как думаешь, кто лучше, дэйлор или дикие кочевники в шкурах?

Эсвендил не ответила, взглядываясь в дымку. Где-то неподалеку раздавался надрывный лай собак – возок медленно, но неуклонно приближался к людскому жилью. К ароматам молодой хвои и сырой, недавно освободившейся от снега земли, витающим в студеном воздухе, присоединился уютный запах дыма.

Миральда пожалала плечами – уж кто-кто, а она знала истинную причину нелюбви сестренки к народу из-за полноводного Эйкарнаса. Лет пять назад судьба столкнула Эсвендил со старым дэйлор, неведомо как очутившимся в имперских землях. Обстоятельства их встречи нельзя было назвать приятными – но ведьма помогла седовласому магу – а в качестве благодарности просила обучить ее некоторым боевым заклятьям. Старик высокомерно рассмеялся ей в лицо и заявил, что, даже если его будут резать на куски, он и тогда не согласится учить людей, которые оттеснили его народ к самому подножью гор. Высказав все это, он просто исчез, провалившись в прореху в ткани мира, оставив ведьму яростно скрежетать зубами.

– Терпеть не могу дэйлор, – пробубнила Эсвендил, – высокомерные твари.

– А по-моему, они просто очень гордые, – медовым голосом пропела Глорис.

Миральда окинула сестер недовольным взглядом.

– Все, хватит. Мы почти приехали.

В этот миг из ворот выскочила мохнатая шавка и залилась истошным лаем.

– Действительно, приехали, – Эсвендил придирчиво оглядела сбившиеся в стайку неказистые избы за покосившимся частоколом, местами переходящим в плетень, – чувствует мое сердце, что основным нашим занятием здесь будет травля тараканов.

Жители деревень просыпаются с восходом солнца, а потому прибытие трех молодых женщин, удивительно похожих одна на другую, было очень быстро замечено. У ворот начали собираться любопытные. Детишки в грязных рубахах тыкали пальцами и, не удерживая их дородные кумушки, уже наверняка бы забрались в повозку, до верха забитую всякими занятными вещами. Такими, к примеру, как побелевшая от времени драконья челюсть. Или огромный, начищенный до блеска медный котел, в который с легкостью помещалась кабанья туша.

– Мне кажется – или они нас уже ненавидят? – сквозь зубы процедила Эсвендил, сверля взглядом быстро собирающуюся толпу, – может быть, поедем дальше?

– Дальше только Дэйлорон, – свистящим шепотом напомнила Глорис.

Повозка стояла у самых ворот, но внутрь частокола они могли въехать только после того, как разрешит староста. Ничего не поделаешь, таков неписанный закон деревень.

Тем временем к женщинам присоединились мужчины – все, как один, коренастые, плотные и, очевидно, не признающие купание жизненной необходимостью. Миральда поежилась: если женщины глядели на вновь прибывших с откровенной неприязнью, то во взглядах мужской половины читался вполне определенный интерес. Раздались крики:

– Марес идет! Дорогу, дорогу старосте!

Она невольно улыбнулась – а вот и староста пожаловал. И тут же поспешила придать своему лицу самое постное и скромное выражение, на какое только была способна.

На вид староста весьма напоминал поднявшегося на дыбы медведя – такой же огромный, мощный, длинные сальные волосы расчесаны на прямой пробор, окладистая борода – предмет гордости – лежит на широкой груди.

Что ж...

Быть старшей – трудно.

И Миральда, передав вожжи Эсвендил, легко спрыгнула на мягкую землю.

Правда, не совсем удачно: юбка зацепилась за торчащий гвоздь. В результате все общество удостоилось чести лицезреть ноги ведьмы почти до самых бедер. Мужчины одобрительно загудели – а над женской частью пронесся недовольный шепоток. Одернув юбку, Миральда смущенно улыbnулась и шагнула вперед, навстречу остолбеневшему старосте. Впрочем, нельзя было не признать, что он прекрасно умел держать себя в руках.

– Кто такие будете? – прогудел Марес.

И правда, совсем как медведь. Даже голос мало напоминает обычный человеческий голос. Скорее дикий басовитый рев.

– Мы сестры, многоуважаемый староста. Ищем места для поселения.

Темные, неопределенного цвета глаза-буравчики впились в лицо Миральды.

– Негоже женщинам путешествовать в одиночестве. Где ваши мужчины?

– Ох... – Миральда на миг запнулась. Такого вопроса, пожалуй, им еще ни разу не задавали. Потому она сказала первое, что взбрело в голову. – Мы скорбим. Наши мужчины погибли во время набега кочевников, когда мы жили на западных рубежах, близ Кайэрских топей.

Марес задумчиво почесал бороду. Его взгляд лениво сполз с лица Миральды на вырез ее платья.

– И чего вы хотите?

– Нет ли у вас свободной избы, где-нибудь на окраине? Мы... готовы щедро заплатить.

Вопрос поверг старосту в тягостные размышления. Было видно, что все происходящее кажется ему в высшей мере странным: три совершенно одинаковые девицы, прибывшие невесть откуда, да еще и готовые платить!

– Жилье-то найдем, – задумчиво протянул Марес, – но вот захотят ли мои люди, чтобы вы здесь поселились?

– Мы умеем предсказывать погоду, – скромно опустил глаза, сказала Миральда. И тут же пожалела об этом.

– Ведьмы, что ль? – нахмурился староста, – то-то погляжу, кости с собой возите, да котел... Нет, ведьмам тут не место. Ведьмы с нелюдьёю якшаются, а у нас здесь и без того хлопот полон рот. Езжайте дальше.

На повозке презрительно хмыкнула Эсвендил. Или Глорис...

Разумеется, они могут отправиться в следующую деревеньку – но зачем?

Миральда прищурилась. Вот – самый подходящий момент, чтобы доказать, что ведьмы чего-то да стоят!

Она пристально посмотрела в темные, глубоко посаженные глаза старосты.

О чем же ты, дружок, думаешь сейчас, глядя на меня?

Хм. Увиденное слегка позабавило Миральду. Даже заставило слегка покраснеть. Хорошо, однако, многоуважаемый староста!

Но староста старостой – а жить где-то надо.

И потому ведьма мысленно попыталась убедить его, что все будет именно так, как он хочет... Если позволит им поселиться здесь. Кустистые брови Мареса чуть заметно приподнялись – и, к вящему удовольствию столпившихся мужиков, он махнул рукой.

– Э, да что там! Проезжайте! Жилье-то имеется... плохонькое, правда...

– Ничего страшного, уважаемый, мы что-нибудь придумаем, – пропела Миральда, – вперед, сестренки! Да поживее!

* * *

В чем-то Эсвендил была права, когда говорила о тараканах. В старенькой хатке с провалившейся крышей, за которую пришлось заплатить целых пять полновесных имперских

крон, рыжие усы шевелились буквально в каждой щели. Глорис, бегло осмотрев все нехитрое хозяйство, только обреченно вздохнула.

– Я подозревала, что здесь будет хуже, чем в Хесвилге, но чтобы настолько...

– Не переживай, – Эсвендил уселась на край стола, – вот увидишь, не пройдет и месяца, как эта жалкая хижина станет самой богатой. И самой уважаемой. Кстати, Миральда... А что такого ты наобещала старосте, что он нас пустил?

– Полагаю, это было нечто совершенно особенное, – ехидно заметила Глорис.

И обе они рассмеялись.

Миральда только пожала плечами.

– Не забывайте, дорогие мои, что я могу заставить его забыть все это... как только пожелаю.

– Весь вопрос в том, а захочешь ли, чтобы он забыл! – прыснула со смеху Глорис.

За что получила щелчок по носу.

– Хватит болтать. Принимайтесь за работу.

Она по-прежнему оставалась старшей – а потому должна была быть самой рассудительной.

Ведьмы тщательно подмели и вымыли полы, вытерли толстый слой пыли, осевший на плохоньком подобии мебели, сбрызнули стены специальным раствором, от которого тараканы немедленно решили сменить место обитания – и вереницей потянулись прочь из избы. Вероятно, к соседям. Челюсть дракона ведьмы повесили над дверным проемом – это была самая действенная защита от *зла извне*; котел установили на добротной, сложенной из больших камней печи. На прибитые к стене кривые полки аккуратно расставили баночки, пузырьки и мешочки с ингредиентами известных заклятий, туда же последовали три толстых книги, переплетенных в темно-зеленую кожу болотного тритона. Ведь у каждой ведьмы должна быть своя книга, в которую она записывает разрабатываемые сочетания компонент!

К вечеру Миральда валилась с ног от усталости; Эсвендил и Глорис чувствовали себя не лучше.

– Ну, кажется, управились. Терпеть не могу переезды! – младшая утерла пот со лба, – не мешало бы принять ванну... Да, похоже, мыться в здешних краях не принято вообще.

– Что-нибудь придумаем, – сухо обронила Эсвендил, – завтра... А сейчас я бы легла спать.

Кроватей не было. Потому сестры бросили в угол три соломенных тюфяка – и почти одновременно заснули.

В ту ночь Миральде приснился странный и даже немного пугающий сон. Она брела куда-то по пыльной дороге, одна, без сестер. Стертые ноги кровоточили, горло ссохлось от жажды, усталость давила плечи каменной плитой... Но она шла и шла, сама не зная куда, не смея остановиться, и по обе стороны от дороги желтела выжженная летним зноем степь. Потом вдали замаячила покосившаяся изба, и Миральда, хромя, побрела к ней, надеясь передохнуть и утолить мучительную жажду. Она отворила плотно прикрытую дверь, шагнула в прохладный, влажный сумрак, который ласково прикоснулся к обожженному солнцем лицу.

– Эй, хозяева! – позвала ведьма, стоя в сенях, – есть кто?

Ей никто не ответил. Постояв немного, Миральда двинулась дальше; жажда и голод заглушали всякую осторожность. А из избы пахло свежеспеченными лепешками. И наверняка там была вода – чистая и прохладная, о какой только можно было мечтать.

... В тусклом свете, что пробивался сквозь бычий пузырь, заменявший слюду в маленьком оконце, Миральда увидела грубо сколоченный стол и две лавки. На одной из них, ссутулившись, сидела хрупкая женщина, закутанная в плащ мышастого цвета, латанный-пере-

латанный, но чистый. Она сидела спиной к Миральде, и та видела только длинные прямые волосы цвета воронова крыла, расплескавшиеся по плечам и спине.

– День добрый, – осипшим голосом сказала ведьма, – не позволите ли передохнуть в вашем доме?

Женщина вздрогнула. Не оборачиваясь, указала на пустую лавку.

– Садись, ведьма.

Голос ее был очень мягким, приятным, с едва заметным певучим говором – но Миральда оторопела так, словно ей в лицо швырнули самые страшные оскорбления.

– Откуда вы знаете, кто я?

Женщина медленно обернулась – и крик застрял в горле.

У нее было очень бледное лицо с правильными чертами. Тонкие черные брови с капризным изломом. Изящный носик и едва тронутые краской губы. А глаза – огромные, продолговатые – как два полированных куска черного обсидиана, ведьмино камня. Ни белков, ни радужки – только бездонная и отражающая свет чернота.

Болотная ночница.

– Я все знаю про тебя, ведьма, – сказала нелюдь, медленно поднимаясь.

Миральда судорожно схватилась за компоненты заклятий – но они рассыпались в пальцах прахом. Хотела бежать – но вдруг поняла, что за спиной – бревенчатая стена и никаких сеней нет и в помине.

Ночница подходила все ближе.

– Почему ты пытаешься бежать, *сестра*?..

И вдруг все оборвалось, провалилось в мешанину цветных пятен.

Тук-тук-тук...

Тук-тук-тук...

Миральда открыла глаза, в ужасе уставившись в низкий потолок.

Кто-то настойчиво стучал в затянутое бычьим пузырем оконце.

Она выбралась из-под одеяла, стараясь не разбудить двух тревожно заворочавшихся сестреночек, накинула длиннополый халат из черного шелка – давний подарок одного очень состоятельного поклонника – и, прошлепав босиком по полу, открыла.

На пороге стояла молоденькая девушка, еще почти ребенок. Гибкая, как ивовый прутик. Она была одета в простое платьице из домотканого полотна, на ногах красовались добротные башмачки. Нервно теребя длинную черную косу в руку толщиной и прикусив губу, гостя со страхом и благоговением взирала на Миральду. В воздухе повисла неловкая тишина. Затем девушка, все также теребя косу, пробормотала себе под нос:

– Говорят, вы ведьмы. Это правда?

– Мой ответ будет зависеть от того, что тебе нужно от ведьм.

Чуть запоздало Миральда подумала, что, возможно, ее голос прозвучал слишком строго – потому что девушка-ребенок вздрогнула, съежилась и опустила глаза.

– Говори, не бойся, – Миральда тепло улыбнулась, – что случилось? Парень к другой ушел?

Девушка горько улыбнулась – одним уголком рта.

– Ах, как было бы хорошо, если то, что говорят о ведьмах – правда! Вы ведь защищаете нас от нелюди? От злой, темной нелюди?! Мне... я как только узнала, что ведьмы приехали, так к вам и решила зайти... больше – никто мне не поможет.

В больших карих глазах что-то подозрительно заблестело.

Жизненный опыт подсказывал Миральде, что это либо просто впечатлительная дурочка, каких хватает, либо... плохо дело. Миральда быстро огляделась – не следит ли кто за ними – и, схватив посетительницу за локоть, втащила ее в дом.

– Проходи, не бойся. Здесь поговорим, чтобы никто не мешал. Как тебя зовут?

– Шенти.

Девушка опасливо покосилась на сладко спящих в углу ведьм.

– Не обращай на них внимания, – Миральда беспечно махнула рукой, – дрыхнут так, что колотушкой не разбудишь. К сожалению, сесть пока что здесь негде, так что придется тебе рассказывать стоя. Итак?..

Шенти поежилась – и еще раз воровато огляделась по сторонам. Будто боялась, что ее кто-то услышит.

– Говори, – твердо сказала Миральда, – чтобы это ни было, я сперва выслушаю.

И, задрожав всем телом, как осиновый лист, Шенти приподняла подол платья, демонстрируя худенькие икры. Ведьма невольно присвистнула. Потом тихо ругнулась – так, что уши девушки вмиг сделались малиновыми.

– И как это стряслось?

На правой голени красовался застарелый, незаживающий укус болотной ночницы – глубокие черные отметины от зубов нелюди. А кожа вокруг подернулась синими прожилками. Начавшееся *перерождение* докатилось уже до середины бедра.

Шенти всхлипнула.

– Она... она сказала мне, что я очень красивая, и что ей хочется сделать меня своей *сестрой*. Я вырвалась, но *она*... Что же теперь будет?!!

Миральда бросила осторожный взгляд в сторону сестер – они дружно посапывали. Но, конечно же, на самом деле уже давно проснулись – и внимательно слушали.

– Что будет, что будет... Если ночница положила на кого глаз, никуда не денешься. Да ты уже и без того... Скоро перестанешь быть человеком, Шенти.

Девушка всплеснула тонкими руками.

– Да как же... Почему? Она ведь только укусила меня!

– Поверь, этого достаточно, – Миральда покачала головой, – именно так они себе *сестричек* и делают. Вон, Кайэрские топи просто кишат этой нелюдью...

По бледным щечкам Шенти покатались, одна за другой, крупные слезинки.

– Перестань, – Миральда внимательно осматривала укус, – помочь тебе еще можно, вот только...

– Что?

– Только не сейчас, Шенти. Утро и день – не самое лучшее время для ведьмовских дел. Приходи к нам после заката – и мы уж постараемся тебя освободить от этой дряни. Где ты встретила нелюдь?

Всхлипывая, Шенти ударилась в долгие и пространные объяснения, из которых Миральда только и поняла, что болотная ночница обосновалась к северу от деревни, на небольшом болоте, там, где начинают расти гигантские ели Дэйлорона. Откуда пришла тварь в эти места, было совершенно неизвестно – да это и не играло особой роли.

– И чего тебя понесло на болота? – только и поинтересовалась Миральда, – сами ведь знаете, кого там можно встретить! Тебе еще повезло, девочка. А вот если бы на твоём пути встретился бы упырь, или еще того хуже – зеркальник...

Шенти взглянула на нее в панике.

– Ягоды собирала. Сама не заметила, как... А эта тварь, как ящерица – шмыг из норы, и...

Слезы с новой силой покатались по лицу.

– Ну, все, хорош плакать. Слезами делу не поможешь, – Миральда потрепала ее по плечу, – мы будем тебя ждать после заката.

Ведьма приоткрыла дверь, выглянула наружу – солнечный свет с трудом пробивался сквозь беловатую муть тумана. И поблизости никого не было.

– Иди, быстро. Не надо, чтобы тебя здесь видели.

И долго смотрела, как худенькая фигурка растворяется в молочной дымке.
Затем повернулась к сестрам.

– Ну, что скажете?

– Знакомая история, – с зевком прошелестела Глорис, – хорошо, что девушка пришла утром... так у нас весь день впереди.

* * *

Что может сделать ведьма, когда к ней приходит человек, медленно, но неотвратимо перерождающийся в болотную ночницу? Во-первых, уничтожить первопричину перерождения, во-вторых – выгнать заразу, расползающуюся по жилам жертвы. Проще говоря, отправиться на болота, найти логово нелюди и, прибегнув к самой обычной силовой магии, убить тварь, и только уж потом лечить пострадавшего.

Эта ночница была далеко не первой в практике трех ведьм, и потому Миральда могла позволить себе хранить относительное спокойствие. Конечно, болотные ночницы – опасны. Они хитры, прекрасные творцы иллюзий – да и Силу черпают отовсюду, в отличие от людей, которым доступна только магия, порождаемая природой вещей. Но самое главное оружие болотной ночницы – это мудрость, которую тварь впитывает из всего окружающего ее мира. Если вступить в переговоры с ночницей – она убедит в чем угодно, убаюкает, отвлечет – а потом и убьет. Или покусает, чтобы продолжить род. И, что ведь обидно – речи болотной ночницы не лживы. Наоборот, она всегда говорит правду – горькую, обидную, но правду – о жизни человеческой.

Поэтому болотных ночниц лучше не слушать. Сразу нанести удар, чтобы у них уже не возникло желания вести задушевные беседы...

Миральда еще раз осмотрела набор ингредиентов, откуда она будет черпать Силу: три кусочка черного обсидиана, на серебряной цепочке, на поясе – мешочек с толчеными лягушачьими косточками, рядом с ним – две птичьих лапки, связанных между собой алой шелковой нитью. Обычный набор для работы с огненной стихией. У сестер – такие же компоненты.

– Никаких разговоров, – напомнила она двум другим ведьмам. Ведь старшей так и полагается себя вести – чтобы не натворили глупостей.

– Мы помним, – скривилась Эсвендил, – пошли.

...Как и положено истинной болотной ночнице, эта поселилась в самом гиблом месте среди болот. Сырой воздух был напитан запахом гнили, к коему незаметно примешивался приторный запах разлагающейся плоти. Глорис поморщилась.

– Фу, какая гадость.

– Зато мы можем быть уверены, что идем в нужном направлении, – холодно усмехнулась Эсвендил. И похлопала по рукояти тяжелого охотничьего ножа, который с недавнего времени предпочитала брать с собой в подобные прогулки. Миральда, правда, так и не могла уяснить – зачем ведьме нужно оружие, но Эсвендил упрямо таскала нож с собой и отмалчивалась.

Миральда остановилась. Дальше начиналась топь, прикрытая сверху изумрудным ковром мха, посыпанная яркими бусинами клюквы. В просветах между черными, гниющими стволами виднелся островок, на макушке которого возвышалась небольшая хижина – жилище болотной ночницы.

Интересно, чем сейчас занята нелюдь? Спит? Ночницы на то и ночницы, чтобы день проводить в глубоком сне, а ночью выходить на охоту. Правда, бывали случаи, когда обстоятельства вынуждали нелюдь бродить днями, отчего они только свирепели.

– Ну, и как мы до нее доберемся? – подала голос Эсвендил, – по воздуху мы летать не умеем.

– У нее должны быть отнорки, – Миральда внимательно огляделась, – она ведь как-то появляется на краю болота!

– Тихо, – пальцы Глорис впились в ее плечо, – прислушайтесь.

Где-то плакал ребенок.

– Интересно, это иллюзия или нет? – только и пробормотала Миральда.

И вдруг... На самом краю зрения, среди зеленых кустов, мелькнула беленькая рубашонка.

Может быть, и вправду на болотах чей-то ребенок, которого ночница заманивает иллюзией?

Хотя, быть может, и наоборот – как раз *их* заманивают иллюзией ребенка.

– Будьте осторожны, – только и сказала ведьма, – очень...

И громко крикнула мелькающему белому пятнышку:

– Эй!!! Эй, иди к нам! Мы не сделаем тебе ничего плохого! Там болота, осторожнее!

Ребенок остановился и прекратил плакать. Затем...

– Мама! Мама, ты где?!!

– Он... настоящий? – беззвучно прошептала Глорис.

– Не знаю... не уверена.

– И что, мы и дальше будем вот так стоять?

Миральда, прищурившись, до рези в глазах вглядывалась туда, где белела рубаха.

Крикнула еще раз:

– Иди сюда! Мы отвеем тебя к маме!!! Не бойся!

Ей ответило эхо. Откуда эхо на болоте?..

Внезапно ребенок вскрикнул – и бросился вперед. Прямоком в ледяную бездну трясины.

Миральде показалось, что еще немного – и она сама лишится рассудка. Теперь дитя кричало – но уже от ужаса, в то время как его щуплое тело заглатывала ненасытное чрево болот.

– Неет! – она рванулась вперед, сквозь колючки, раздирая в кровь руки.

Белое пятно уже почти скрылось под зеленым покровом, худенькие ручки беспомощно молотили по выступившей черной жиже.

– Только не дергайся! – крикнула Миральда.

Она была уже совсем близко. Она уже видела бледное, перекошенное от страха личико, слипшиеся от пота и грязи кудряшки... Ребенку могло быть лет пять от силы... Как он попал на болота?!!

На бегу Миральда подхватила какую-то палку. Сейчас... сейчас... она должна успеть!

И вдруг все исчезло.

Ребенка больше не было. И даже не было видно, чтобы кто-нибудь барахтался в топи.

Миральда резко остановилась; ее бросило в пот. Значит, все-таки иллюзия... И теперь она одна, сестры, видимо, отстали.

Один на один с опасной тварью...

В воздухе снова разлился ощутимый запах гниющей плоти. Ведьма опустила глаза и невольно вскрикнула – под ногами, из-под прелых листьев выглядывал маленький человеческий череп. А еще – клочок полотняной рубахи...

Где-то рядом хрустнула ветка. Миральда резко обернулась – никого. Только тонкие ветви кустарника еще шевелятся, словно кто-то только что прошел мимо, отодвинув их со своего пути.

...Ночницы любят нападать со спины.

Ведьма развернулась, резко приседая, уходя в сторону – и как раз вовремя: острые, как лезвия, когти вспороли воздух там, где за миг до этого была ее шея.

Белое лицо в синих прожилках.

Спутанные, сбившиеся в колтун черные волосы.

Глаза – нечеловеческие, полностью залитые чернотой, так похожие на два полированных кусочка черного обсидиана...

И разверзнутая пасть, усаженная иглами зубов.

...Болотная ночница.

Нелюдь заверещала – да так, что, казалось еще немного – и лопнут барабанные перепонки. Миральда, задыхаясь, отскочила назад, восстанавливая дистанцию, одновременно обращаясь к Силе, запертой в ее обсидиановом ожерелье, костях лягушек и птичьих лапках. Огненные стрелы магии пронзили руки, ища выход; два слепяще-белых потока ударили в грудь ночнице, отбрасывая ее назад.

А из зелени кустов, навстречу распластавшемуся в воздухе телу нелюди рванулись еще потоки Силы, разрывая ночницу пополам.

... Эсвендил потрогала носком сапожка замершую верхнюю часть тела твари.

– Уфф... Ты заставила нас побегать, Миральда. Едва успели.

– Да уж, – Глорис усмехнулась, – но ты все равно молодец.

Миральда прислонилась спиной к черному стволу. Отчего-то ее мутило, перед глазами прыгали цветные пятнышки.

– Я думала... ребенок настоящий.

И невольно бросила взгляд туда, где из-под прелых листьев выглядывал детский череп. Проклятая нелюдь...

Эсвендил поморщилась.

– Всего лишь иллюзия, сестра.

И, пнув носком сапожка начавшее стремительно разлагаться тело ночницы, поинтересовалась:

– Ну что, будем брать *это* в деревню?

* * *

Разумеется, молчаливое свидетельство своих ведьмовских подвигов они оставили в лесу. Пройдет еще немного времени, и то, что было ночницей, рассыплется в прах, вернется в лоно Атхены, Матери-Земли, – и ничто не будет напоминать о том, что когда-то среди болот жила опасная тварь... Разве что только человеческие кости, оставшиеся после ее пиршеств.

Ведьмы вернулись в деревню грязные и усталые, прошествовали сквозь сбившиеся в кучу избы, ловя на себе неприязненно-недоумевающие взгляды женщин, и с гордо поднятыми головами скрылись в своей развалюхе.

Глорис, не раздеваясь, растянулась на тюфяке.

– Уфф... Мне кажется, наши таланты здесь не оценят.

И подмигнула Эсвендил. Та лишь пожала плечами.

– А ты никак ожидала, что тебя здесь примут с распростертыми объятиями?

Младшая открыла было рот, чтобы ответить – но как раз в этот миг в дверь осторожно постучали.

Миральда хлопнула себя рукой по лбу. Шенти! Как она могла забыть? Да и сестрички тоже хороши... А солнце уже висело над самым краем мира, аккуратный малиновый шарик, закутанный в легкий пух облаков.

– Это, я полагаю, наша страдальца? – недовольно пробурчала Глорис, неохотно поднимаясь с тюфяка, – ну, что ты, Миральда, замерла, как колода? Открывай. Делать нечего.

– Мы управимся быстро, – заверила Эсвендил, – ночницу-то убили.

Миральда отворила дверь, но – на пороге увидела отнюдь не Шенти, а здоровенного детину в не очень грязной рубахе и темно-синих шароварах, что должно было быть роскошью для этих мест. Его темные глаза двумя буравчиками впились в лицо Миральды, затем взгляд быстро переместился на Эсвендил и Глорис.

– Эээ, – промычал он неуверенно, – отец прислал узнать, как вы тут устроились и не нужно ли чего?

Ведьма, прищурившись, разглядывала парня – и, наконец, пришла к выводу, что лицо у него довольно приятное, только лоб малость низковат, что могло служить признаком отсутствия возвышенных мыслей.

– Ты сын Мареса? – она приветливо улыбнулась. Улыбка эта, как солнечный луч в воде, расплескалась на лице нежданного гостя, он улыбнулся в ответ – и показался ведьме очень милым.

– Да, – он покраснел и опустил глаза, – отец просил узнать...

Миральда и не заметила, как Глорис оказалась рядом с ней – плечом к плечу.

– У нас все просто замечательно, – сладко пропела младшая ведьма, – передай отцу, что мы благодарны, очень благодарны ему за все!

И тут же, подмигнув, добавила:

– А ты похож на Мареса, Хаттар свидетель! И статью, и лицом...

Улыбка на лице старостиного сына стала еще шире – хотя трудно было представить, что такое возможно.

– Э... ну... я пошел... тогда, – промычал он, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

– Нам было приятно тебя повидать, – Глорис вдруг шагнула вперед и дружески хлопнула его по широченному плечу, – заходи еще как-нибудь! И еще... Как тебя зовут, а?

В глубине избы презрительно хмыкнула Эсвендил. А самой Миральде захотелось сквозь землю провалиться от стыда. Потому что милая сестренка Глорис занималась ничем иным, как привораживанием. И – помилуй Атхена – кого? Грязного, неотесанного мужлана.

– Что это ты вытворяешь?! – прошипела ведьма, ущипнув Глорис за локоть.

– Не твое дело, – огрызнулась та и, по-прежнему сладко улыбаясь, уставилась в карие глаза безмятежно улыбающегося мужчины.

– Меня... ээ... Маркеш...

– Замечательно! – бодро пискнула Глорис, – ну, иди, иди, Маркеш. Приятно было потолковать с тобой.

Он медленно побрел прочь, поминутно оглядываясь и рискуя свернуть себе шею. Миральда с треском захлопнула дверь.

– Зачем он тебе, Гло?

Та беззаботно махнула рукой.

– Это тебе никто не нужен, Миральда. А я – мне хочется жить, как все, понимаешь?

– Жить как все – это не значит вешаться на первого встречного, – уточнила Эсвендил. Она сидела на тюфяке, скрестив ноги, и расчесывала длинные волосы медного цвета.

– Я тоже так думаю, – заметила Миральда, – однако... где же Шенти?

Она снова распахнула дверь и вышла на покосившееся крыльцо, зябко ежась каждый раз, как ветер дул со стороны леса.

Солнце село; щупальца молочно-белого тумана выползали из болот, тянулись к сбившимся, словно цыплята без наседки, избам. И Миральда вдруг особенно остро ощутила что-то недоброе, угрожающее в этих холодных сумерках – словно дурное предчувствие всколыхнулось в груди.

Оглянувшись на сестер, Миральда спустилась с крыльца и выглянула на дорогу.

Никого – только постепенно сгущающийся белесый туман, клубящийся и живой.

«Не случилось ли чего?» – мелькнула тревожная мысль, – «народ здесь темный, нелюди страшится...»

Когда что-то легко коснулось плеча, ведьма едва не подпрыгнула. Стиснув защитный талисман, она обернулась и увидела Шенти, в сумеречной дымке куда как больше похожую на бесплотного духа, чем на живого человека.

– Я пришла, – громким шепотом сказала девушка, – еле улизнула.

– Хорошо, – выдохнула ведьма, – пойдём.

– А это... Это будет очень больно?

– Полагаю, ты даже не почувствуешь.

... Они все сделали, как обычно, и к утру Шенти заснула глубоким сном, каким спят после долгой, изматывающей болезни. С рассветом Миральда разбудила ее и, выводя из дому, попросила:

– Шенти... Ты не болтай о том, что мы для тебя сделали, хорошо? Как бы тебе хуже от этого не было, если узнают...

Девушка молча кивнула. Затем протянула на раскрытой ладони серьги с мелким речным жемчугом.

– Вот, возьмите. Больше мне нечем отплатить вам.

Миральда усмехнулась.

– Оставь их себе. Тебе они нужнее... А о нас – не беспокойся.

* * *

... А потом вся деревня откуда-то прознала, что три сестры, поселившиеся в старой избе, могут исцелять всяческие хвори. И потянулась к ним вереница больных и увечных; некоторым они помогали, некоторым сразу отказывали – когда помочь уже не могла никакая волшба. Но, как бы там ни было, дела трех ведьм пошли в гору.

– И где же вы так поранились? Впредь будьте осторожнее. Сейчас будет немножко больно, потерпите... Вот та-ак...

Миральда невольно улыбнулась, слушая, как щебечет Глорис над маленькой старушкой.

Сама она, сидя на полу, чистила котел, который, по правилам, следовало скрести до блеска после варки каждого зелья – чтобы пригоревшие остатки не испортили следующее снадобье, которое будет вариться в этом же котле.

– О, вы принесли гуся! Как мило! Мы очень, очень благодарны, – звонкий голосок младшей ведьмы искрился непритворным весельем, – теперь идите домой и вздремните. Когда проснетесь, рука полностью заживет.

Миральда, оглянувшись, увидела уже ошипанную тушку хорошо откормленного гуся. Значит, сегодня им обеспечено жаркое...

Затем вернулась к невеселому предмету своих размышлений.

Прошло четыре дня с того момента, как они убили болотную ночницу. Даже укус на ноге Шенти затянулся розовой пленочкой здоровой кожи. Но Миральду не оставляло странное ощущение – что-то было не так. Словно они не довели начатое до конца... А была в этом ощущении виновата серая тень, мелькнувшая вечером за окошком. Ее видела Эсвендил, которая сразу же выскочила наружу, схватившись за свои охранные амулеты – но там не было никого. Да и поблизости от их избы было пусто. И тихо.

Зато под окнами Миральда обнаружила цепочку следов от узких женских ступней, причем босых ступней. Упыриха? Еще одна ночница? А, может быть, на болоте жило две ночницы, и теперь вторая будет бродить вокруг деревни, скупаемая жаждой мести за *сестру*?

Эсвендил только покачала головой и сказала, что надо бы снова наведаться на болота – и поймать проклятую нелюдь. Пока ночница, в своем озлоблении, не натворила чего. Обе сестры согласились с этим – но тут к ним повалила целая толпа больных и поранившихся людей, так что невозможно было развернуться – и уйти на болота.

... Миральда дочистила котел и установила его на печи. Глорис с торжествующим видом плюхнула рядом гусиную тушку.

– Мы уже знамениты, сестренка. Слухи доползли до соседней деревни.

– Нам надо идти на болота, – глухо пробормотала Миральда, – надеюсь, ты об этом не забыла.

– Пойдем, – пожалала точеными плечами младшая, – а Эсвендил пусть посидит дома и примет всех желающих исцелиться.

Эсвендил, разбирающая собранные утром травы, усмехнулась.

– Что, уже надоело? Ну, идите. Я, так и быть, займусь целительством...

На том и порешили. Эсвендил осталась дома, а Миральда и Глорис, захватив все необходимое, отправились в путь.

День выдался не по-весеннему сумрачный, холодный. Сизый туман стелился по низине, оседая мелкими каплями на молодых травинках. Впереди маячили черные стволы деревьев в зеленом пуху, угрюмые стражи у врат болота.

– *Эта* может оказаться сильнее. И мудрее, – как бы между прочим, заметила Глорис, – ты никогда не думала, что из одного похода мы можем и не вернуться?

Миральда только пожалала плечами. Конечно же, она много раз размышляла над этим. Ведь погибла же их мать в схватке семейством упырей... Славная была ведьма, знали ее по всем западным рубежам... А порой нет-нет, да просачивался слух, что-де ведьма Ариста жила по молодости в Закрытом городе, за белоснежными стенами Алларена, там, где собрались благородные маги со всей Империи. Своим дочерям Ариста никогда не рассказывала, отчего покинула столицу – но злые языки говаривали, что она разругалась с самим загадочным Магистром. Миральда была склонна верить слухам: простая крестьянка или дочь ремесленника никогда бы не смогла обучить своих детей всему тому, что знала и умела их мать.

Ариста ушла сумрачным вечером, чтобы выручить жителей маленькой деревушки, оставив дочек в трактире и строго-настрого наказав дожидаться ее, что бы ни случилось. Ушла – и не вернулась. Когда жаркое солнце поутру загнало темную нелюдь в норы, мужики привезли в деревню то, что осталось от ведьмы...

Но – мать была одна. А они, три сестры, никогда не выходили на бой поодиночке, и в этом была их сила.

– Это я к тому, что мы каждый раз рискуем остаться с выпущенными кишками. И ради чего? Вернее, ради кого? – Глорис испытывающее посмотрела на сестру, – в то время как те, кого мы называем нелюдьми, жили здесь, наверное, с начала времен, и виноваты лишь в том, что отличаются от людей.

Ох, уж эта Глорис с ее вечными сомнениями! Миральда нахмурилась. Лучше никогда не задумываться над тем, *ради чего*... Иначе в определенный момент начинаешь понимать, что идешь по пути, который ведет в никуда...

– Это наш долг, – откашлявшись, сказала она, – те, кому дана *власть*, обязаны ее использовать для того, чтобы защитить свой народ... Разве ты забыла, чему нас учила старуха Геппетина?

Сказала – и поморщилась, вспомнив, что гибель старой ведьмы была весьма показательной: ее сожгли на костре ее же земляки, когда старуха не смогла вылечить заражение крови у одного крестьянина.

– Вот именно, Геппетина, – темные глаза Глорис полыхнули яростью, – *ради кого* мы так рискуем? Разве ты не видишь, что улыбаясь, они боятся и ненавидят нас, потому что в наших руках – власть, им недоступная?!

– Это наш долг, – пробормотала еще раз Миральда. Правда, уже не столь решительно, – да и к чему эти разговоры? Сама ведь знаешь – они ни к чему не приведут. Какой смысл задаваться вопросом – почему все так, как есть?

Глорис упрямо мотнула головой – отчего огненным всплеском молочную дымку вспо-роли ее рыжие волосы.

– А если нас ожидает та же судьба, что и несчастную Геппетину? Что бы тогда ты сказала о *долге*?

Больше они не разговаривали. Шли молча, напряженно всматриваясь в призраки черных деревьев. Все ближе и ближе... Что ждет их там? Каковы силы *сестренки* убитой ночницы?

Пальцы Миральды невольно сомкнулись на цепочке с кусками обсидиана. По позвоночнику пробежал неприятный холодок. Неясное предчувствие...

– Постой, Глорис, – ведьма придержала младшую за локоть, – я пойду первой. И если что-то случится...

Та подчинилась. Все-таки Миральда была *старшей*.

Лес встретил их тишиной. словно вся мелкая живность, которая издает множество звуков, спешно ретировалась из этого места. В безветрии клубился белесый туман у вспученных корней, складываясь в причудливые фигуры.

Не самый удачный день для охоты, как ни крути.

Они, стараясь не издавать лишнего шума, спустились по откосу к тому месту, где лежал в прелой листве детский скелет – и где нашла свою гибель болотная ночница. Ничего здесь не изменилось: все также белели человеческие кости, рядом – разорванный надвое оплывший скелет твари. Миральда покачала головой.

– Может быть, то, что приходило к нашим окнам, пришло вовсе не отсюда? И искать ее надо в другом месте?

– Если только поблизости есть другое болото, – мрачно заметила Глорис, – мы могли бы для начала проверить, подходил ли кто к останкам.

– И то верно, – Миральда, прищурившись, огляделась, – если это *сестренка*, то она наверняка побывала здесь и оставила *след*.

Они очертили по земле вокруг скелета ночницы круг, аккуратно рассыпали по борозде смесь толченых рыбьих глаз и золы вороньих перьев – замечательных ингредиентов, высвобождающих силу, позволяющих увидеть память земли. Порошок задымился.

То, что происходит во время каждой волшбы, не понять обычному человеку, лишенному дара. Только избранный сможет увидеть искрящиеся струи, и только избранный сможет впитать их, преобразовывая *в себе*. А знание того, к какому случаю какая сила подходит – передается в поколениях.

– Что-нибудь видишь? – прошептала Глорис, глядя в землю, сквозь чернеющий скелет.

Миральда покачала головой. То ли спираль силы еще не развернулась, то ли... никто не подходил к останкам.

А ведь, будь у ночницы *сестра*, она обязательно пришла бы, по крайней мере узнать, кто был убийцей.

Дым щипал глаза – так, что слезы непроизвольно покатались по щекам.

– Ничего мы здесь не увидим, – проворчала Глорис.

– Да, пожалуй.

И вдруг...

Это было похоже на вспышки яркого света в туманной мути.

Изящная женская фигурка, закутанная в серый плащ, медленно идет, осторожно ступая босыми ступнями по прелой листве. Редкие лучи солнечного света блеклыми пятнами ложатся на старую, латанную-перелатанную ткань. Лицо женщины скрыто в тени глубокого капюшона, видны лишь тонкие белые пальцы – судорожно стискивающие край плаща.

Медленно, с опаской, она приближается к черному скелету. Останавливается в двух-трех шагах. Постояв несколько минут, разворачивается и медленно уходит.

В ноздри ударил запах гнили и тины – так, будто Миральду с размаху ткнули носом в болотную жижу.

– Проклятье! Значит, все-таки вторая ночница!

Глорис быстро вытерла глаза.

– Да, я видела. Что дальше, сестричка?

– Пойдем, хотя бы издали взглянем на домик посреди болота.

– А что от этого изменится?

Миральда пожала плечами.

– Но ведь ничего другого ты все равно не можешь пока предложить, верно?

Внезапно глаза Глорис расширились – и она схватилась за амулеты.

– Вон она, Миральда! В сторону, быстро!

... У полусгнившего ствола, опершись на него белой рукой, стояла болотная ночница – и беззастенчиво разглядывала двух ведьм. Все было так, как показала память земли: латанный серый плащ, босые ноги, какие-то лохмотья, бывшие когда-то обычным платьем...

Невзирая на то, что время приближалось к полудню, нелюдь откинула за спину капюшон – Миральда увидела юное, очень красивое лицо, обрамленное гладкими черными волосами. Глаза, как водится у ночниц, тоже были черными. Нелюдь спокойно стояла, наблюдая за действиями Глорис, надменно вздернув подбородок. И не торопилась – ни нападать, ни убежать.

Это была та самая ночница, из странного сна.

В душе зашевелился холодный червячок страха – к чему все это? И простая ли цепь совпадений? Но раздумывать было уже некогда.

– Сейчас я тебе... – пробормотала Глорис.

Шар лохматого пламени рванулся вперед, к серой фигуре; ночница подняла худую руку, словно в попытке прикрыть глаза, и... Раздался глухой хлопок. Пламя, так и не добравшись до нелюди, погасло – будто это был и не страшный огненный шар, а всего лишь вполне безобидный огонек свечи.

Над болотом прошелестел хриплый смех. А потом...

– Глупые люди! Глупые, глупые...

Резко крутнувшись, ночница метнулась прочь. В пелену тумана.

Глорис в недоумении глядела ей вслед.

– Она...

– Отбила твое заклятье, – закончила Миральда, – эту дрянь так просто не возьмешь...

Видишь, она даже не считает нужным воспользоваться иллюзиями!

– Быть может, это и была иллюзия?

– Не знаю. Вряд ли. Во всяком случае, теперь нам придется идти за ней. Или мы ее – или она нас.

Глорис молча кивнула.

* * *

Что может быть хуже, чем идти по следу хитрой болотной ночницы? Разве что только погоня за матерым зеркальником.

Серый плащ время от времени мелькал впереди, в просветах между черными, гниющими деревьями. Тварь не торопилась, даже останавливалась, когда ведьмы начинали отставать. Но в то же время близко к себе не подпускала. Шелестящий смех, отражаясь от сырых деревьев, сводил с ума.

Несколько раз Миральда уже порывалась повернуть назад – но опыт ведьмы подсказывал, что тогда нелюдь будет красться за ними, пока не окажется в самой выгодной ситуации, и тогда...

– Ну, я до тебя доберусь, – процедила она, когда ночница в очередной раз повернулась к ним лицом – и чуть ли не поманила к себе.

– А в топи она нас не заведет? – усмехнулась Глорис, – хотя... она как раз уходит от болот. Похоже, что идет напрямик на север, к Дэйлорону. Но почему?

И погоня продолжилась.

Надо сказать, сестренка убитой ночницы превосходно знала эти места – словно исходила их вдоль и поперек. Впрочем, если судить по ее могуществу, ей должно было быть немало лет. Опасный, могущественный противник даже для двух одаренных ведьм.

Перед глазами вновь возникло молодое, замершее в вечности лицо ночницы. Что-то было не так в нем, но Миральда не могла понять, что. Слишком... правильные черты... слишком, чтобы их обладательница при жизни была человеком. Впрочем, почему – «при жизни»? Болотная ночница – отнюдь не оживший труп. Это просто... нелюдь... Да еще сон...

Задумавшись, Миральда на миг отвлеклась – и тут же поплатилась.

– Осторожно!!! – взвизгнула сзади Глорис, – Миральда!

Нога зацепилась за что-то мягкое, скользкое. Деревья, окутанные туманом, резко качнулись, рванулись куда-то вбок... И Миральда сама не поняла, как обнаружила себя распростертой на земле.

Затем... в уши ворвался истошный визг – но он не принадлежал преследуемой твари.

Миральда ловко перекатилась на бок и поднялась на ноги. Быстро огляделась – ночницы и след простыл. Или она просто затаилась, ожидая подходящего для нападения момента.

Глорис, потеряв дар речи, таращилась на нечто, послужившее причиной падения.

А это *нечто* истошно верещало, как может верещать избалованный ребенок, которому не дают конфет.

Ведьма вздохнула. Еще раз огляделась в поисках размытого силуэта ночницы. Потом ее взгляд вернулся к скорчившемуся посреди тропы существу, не прекращавшему вопить.

Видом своим оно сильно напоминало человеческого младенца: безволосая голова, ручки, ножки и туловище. Только кожа была сморщенная, серая и скользкая. Да большой рот набит острыми, как иглы, зубами. А глаза – глаза были маленькими, как бусинки, и черными.

– Только этого нам и не хватало, – Миральда обреченно оглядывала существо. Кажется, зацепившись башмаком, она ничуть ему не повредила.

– Да уж, – выдохнула Глорис.

Обе они прекрасно знали, *что это такое*.

Сморщенное создание было ничем иным, как личинкой дэйлор.

– И что теперь будем делать? Я имею в виду, с ночницей? Да и с этим...

– Его следует оставить там, где мы его нашли, – твердо сказала Миральда, – и как можно скорее вернуться домой. Не нравится мне все это... Дэйлор не бросают свое потомство. Кто знает, быть может, это ловушка?

Глорис осторожно обошла верещащую личинку, затем наклонилась и внимательно осмотрела ее. Хмыкнула.

– Не похоже, что его недавно оставили здесь, Миральда.

– Его?

– Ну да, его. Можно подумать, что тебе этого не видно. А если ты приглядишься повнимательнее, то увидишь, что будущий дэйлор – кожа да кости. Напрашивается вывод, что его бросили в лесу несколько дней назад.

Миральда, не говоря ни слова, присела на корточки рядом с личинкой, стараясь не попасть в область досягаемости его маленьких, но цепких ручек.

Глорис была права: серая кожа складками висела на косточках, так, словно личинку давно не кормили. Кроме того, маленький дэйлор был покрыт царапинами и ссадинами, которые кое-где уже загноились.

– Чушь какая-то, – пробормотала Миральда, – первый раз такое вижу... Кстати, как он на тропинке-то оказался?

– Он выполз на нее как раз в тот момент, когда ты не смотрела под ноги, – ехидно сообщила Глорис. И тут же, вполне нормальным тоном, поинтересовалась, – так что мы с ним будем делать, сестренка?

– По-моему, я уже сказала. Оставим здесь, а сами отправимся в деревню – раз уж ночницу упустили!

Личинка затихла, уставившись на Миральду глазами-бусинами, отчего та почувствовала себя как-то неуютно. Взгляд черных глаз вдруг показался ей вполне осмысленным. Умоляющим. Ведьма поспешно выпрямилась.

– Ты собираешься бросить его здесь умирать?

– А что мы можем сделать?

Глорис пожала плечами.

– Ты сама знаешь, что мы можем сделать. Мы можем взять его с собой в деревню. По крайней мере, там он не умрет с голоду.

Миральда покачала головой.

– Ты сама не знаешь, что предлагаешь, Гло. Мы ведь не знаем, что будет происходить с личинкой дальше! Да и где мы будем его держать? Ведь к нам ходят люди, а им вряд ли понравится присутствие нелюди...

– У нас есть пустой коровник, – терпеливо напомнила Глорис, – и мы сможем подробно изучить тот путь, который проходит дэйлор от состояния личинки до полного развития.

Миральда еще раз посмотрела на дэйлора. Нет, положительно, он уже все понимал! Черные глаза-бусины, лишенные белков, внимательно наблюдали... изучали...

Но, перед тем, как сдать на милость младшей ведьмы, Миральда, пробурчала:

– Он не даст взять себя, Глорис. Покусает. Гляди-ка, зубы какие!

– Нет, что ты!

И, не успела Миральда и глазом моргнуть, как ее сестра подхватила личинку на руки. Цепкие пальчики моментально сомкнулись на воротнике куртки Глорис. Лицо личинки, уродливое, с расплывчатыми, будто смазанными чертами, сморщилось – и ведьмы услышали громкое урчание. Как может урчать сытый кот на коленях хозяйки...

– Вот, видишь? – и Глорис, совсем как девчонка, показала язык.

Миральда только вздохнула. Происходящее совершенно ей не нравилось: странная погоня за болотной ночницей, в то время как нелюдь могла принять бой на равных, личинка, оказавшаяся в лесу при столь странных обстоятельствах...

Дэйлор урчал, преданно глядя на Глорис.

– Давай его хотя бы в куртку укутаем, что ли, – проворчала Миральда, – если ты его так в деревню потащишь, нас оттуда выгонят еще до вечера...

* * *

Эсвендил только всплеснула руками.

– Да вы рехнулись! Только личинки дэйлор здесь не хватало!

– Мы знаем, отчего ты так их не любишь, – высокомерно заметила Глорис, – но это не причина, чтобы оставить малыша погибать от голода! Не переживай, мы поселим его в коровнике, и он не будет тебя беспокоить...

– А что ты будешь делать, когда он начнет превращаться во взрослого дэйлор? Ты даже не знаешь, как это происходит!

Но Глорис уже не слушала. Заперла дверь на щеколду – чтобы никто из соседей ненароком не заглянул, и положила личинку на стол.

– Ну-ка, малыш, сейчас будем обедать! – сладко пропела ведьма, будто собиралась кормить собственного ребенка. Пошарив взглядом по печке, схватила кусок запеченной гусятины.

– Ты уверена, что ему можно это есть? – хмыкнула Эсвендил, – еще подойдет от такой-то пищи...

Глорис вспыхнула и окинула ее сердито-презрительным взглядом.

– А зубы ему на что? Если есть зубы, значит, он умеет ими пользоваться!

И поднесла мясо ко рту дэйлор.

Результат превзошел все ожидания: ведьма едва не лишилась пальцев, успев отдернуть руку в самый последний момент. А личинка, проглотив кусок, широко раскрыла рот – и противно заверещала, видимо, требуя добавки.

– Он нас объест, – холодно заключила Эсвендил. И, фыркнув, удалилась в спальный угол.

– Надо подготовить ему место, – промолвила старшая ведьма, до сих пор молча наблюдавшая за происходящим, – и еще... Не мешало бы его помыть и обработать ссадины.

– Да, да, ты права... – Глорис с умилением скармливала куски гусятины оголодавшей личинке, – только вот покормим его...

...Личинку поселили в ранее пустовавшем коровнике, для начала соорудив добротную подстилку из соломы, застеленной чистым полотном, и первые три дня Глорис не отходила ни на шаг от своего любимца. Затем у дэйлор, благодаря стараниям все той же несносной младшей, появился соперник – в лице Маркеша. И Глорис, уподобившись мартовской кошке, начисто забыла о том, что личинку надо кормить, поить, и мыть.

Миральда только вздыхала. Она по-прежнему оставалась старшей – и оттого все заботы неизменно ложились на ее плечи.

Теперь именно она ухаживала за уродливым серым младенцем, даже разговаривала с ним, жалуясь на непутевую сестру. Кормила, мыла, меняла «пеленки». Убирала.

А будущий дэйлор смотрел на ведьму своими глазами-бусинами. Понимающе. Немножко печально. И громко урчал, когда она щекотала его округлившимся животик. К слову, отъевшись, он стал выглядеть несколько приятнее, чем в день, когда, в поисках матери, прыгнул под ноги бегущей Миральде. Кожа разгладилась, матово заблестела; ручки и ножки пополнели, сделавшись даже пухленькими. А на подобии лица начал расти нос – похожий чем-то на молоденькую картошечку, только серую.

Ведьма уже не считала личинку уродливой. Правда, ее продолжал смущать широкий, от уха до уха, рот, полный белоснежных игл-зубов. И еще она вздрагивала, когда будущий дэйлор, забравшись на потолочную балку, с громким «плюх» прыгал вниз, на солому.

Впрочем, когда он спал, Миральда видела в нем самого обычного ребенка.

Иногда ведьма даже брала его на руки и носила по коровнику, мурлыча под нос совершенную несуразицу. Тогда личинка жмурилась и громко урчала, всем своим видом демонстрируя удовольствие от подобных процедур.

«Может быть, хорошо, что мы не оставили его там», – думала Миральда, улыбаясь зубастому существу, – «в лесу он бы умер, а теперь он со временем превратится в дэйлор...»

О том, что будет дальше, она предпочитала не задумываться, потому что с мыслями о расставании неизменно приходила печаль.

...Что касается болотной ночницы, то она больше не появлялась в деревне. Эсвендил несколько раз заикалась о том, что неплохо бы наведаться на болота и завершить начатое – но Глорис только хлопала ресницами и мчалась на очередное свидание. А Миральда не могла отлучиться надолго, потому что дэйлор оказался обжорой и постоянно требовал пищу, начиная противно верещать каждый раз, когда обед задерживался. Делал он это столь пронзительно, что было слышно за стенами коровника.

– Еще подумают, что мы крадем детей и варим из них зелья, – бурчала Эсвендил, – иди, корми его. Взять взяли, а следить – не следите.

* * *

...Проказливый дэйлор никак не хотел покидать потолочную балку. И это невзирая на то, что и пеленки были застелены чистые, и вареная курятина исходила вкусным паром.

Миральда погрозила личинке пальцем.

– Лучше слезай. Не то останешься без обеда.

Громкое урчание в ответ.

– Что, поиграть со мной решил? Не советую...

Личинка заерзала на узкой балке, едва не свалилась – но успела вцепиться в дерево когтями и зубами. А потому осталась наверху.

– Ну, как знаешь, – Миральда пожала плечами, – сиди, если тебе так нравится там...

И, с наигранным равнодушием отвернувшись, ведьма склонилась над невысокой кроваткой, сооруженной из досок и большущей охапки сена, чтобы разгладить куски полотна, служившие пеленками дэйлор.

– Вот оставлю без обеда, будешь у меня знать, – пробурчала она себе под нос.

И едва не подскочила, ощутив на талии тяжелую руку.

Сердце мгновенно прыгнуло в желудок. Крик застрял в горле...

– Моя курочка! – выдохнул вместе с перегаром староста, – ну наконец-то я тебя застал одну!

А, вот оно что... Миральда нашла в себе силы улыбнуться. Всего лишь пьяный староста. Ну, уж с кем-с кем, а с этим мужланом она управится...

– Марес, – сладеньким голоском пропела ведьма, – что ты здесь делаешь?

Разумеется, вопрос этот был лишним. И так понятно, зачем он пришел.

В медвежьих объятиях становилось трудно дышать.

– Эй, отпусти! – возмутилась Миральда, подумав, что только переломанных ребер ей не хватало.

– Я тебя уже давно... ик!.. подстерегаю, мой цыпленочек!

– Да о чем это ты? – она уперлась локтями в широченную грудь, – отпусти! Что, забыл, кто я? Не то хуже будет!

Пустая, пустая угроза. Ведь ничего она сейчас не сделает – все ингредиенты заклятий остались на полках. Да и зачем бы ей таскать с собой полный боевой арсенал, особенно отправляясь перестилать пеленки младенцу дэйлор? Хорошо еще, что силен страх перед ведьмами – и вера... глупая вера в Силу, горящую в них, не нуждающуюся ни в чем...

Однако слова не помогли.

Марес только сильнее прижал ее к себе. Хрипло, бессвязно, пробормотал:

– А... обещала!.. ик... Помнишь?

– Отпусти! – взъярилась ведьма, – если ты сейчас же не уберешься отсюда... Клянусь, я тебе такую жизнь устрою, что свет с горошину покажется!

Угроза подействовала. Правда, не совсем так, как рассчитывала ведьма – вместо того, чтобы ретироваться, Марес одной рукой швырнул ее на только что застеленные пеленки.

– Ах ты, маленькая дрянь! Думаешь, меня так просто... ик... об... мануть?!!

Миральда закусила губу. Неужели этот грязный мужлан знал, что ведьма бессильна без источников Силы?

– Пошел вон! – гаркнула она, поднимая вверх руки и нацеливаясь в Мареса *знаком огня* – большие пальцы и мизинцы – соединены, остальные – сжаты, как в кулак, – клянусь, изуродую! Считаю до трех!!!

Она была бессильна извлечь огонь из ничего, но иногда решительность и напор – единственное оружие. И на сей раз Марес заколебался.

– Раз... – голос Миральды отразился от бревенчатых стен.

Староста, чуть раскачиваясь, не двинулся с места. Видимо, слова с большим трудом пробивались в сознание сквозь пары браги.

– Два! – звонко выкрикнула ведьма, приподнимаясь на сене, стараясь неотрывно глядеть в маслянистые, глубоко посаженные глазки. Неужели он так уверен в себе?.. Может быть, она все-таки сможет внушить ему хотя бы видимость огня? Или... или какого-нибудь чудовища...

Марес ухмыльнулся.

– Ну, давай, чего ждешь? Что, нет... ик... волшбы в пустых руках?

Последнее слово – «три» – застряло в горле. Запоздало мелькнула мысль, что староста оказался не так прост, и что надо быть с ним полюбезнее... Миральда опустила руки.

И в этот миг... Как она могла забыть о малыше дэйлор?!!

Сверху, с противным визгом, на голову Маресу обрушилось серое зубастое существо, вцепилось когтями в лицо. В следующее мгновение острые зубы дэйлор прошлись по уху остоленевшего старосты, отхватывая приличный кусок; брызнула кровь – и это заставило Мареса опомниться.

Дико заорав, он замахал руками, тщетно пытаясь стряхнуть с себя личинку; на его грязных штанах расплылось большое пятно. Миральда, завопив не хуже старосты, рванулась вперед.

– Отпусти!!! Отпусти, кому сказала!!! Марес, остановись! Слышишь меня?!! Прекрати!..

Ей удалось схватить дэйлор, оторвать его от обезумевшего от ужаса человека, причем в последний момент личинка едва не выдрала ему глаз. Миральда прижала к себе дэйлор, с ужасом взирая на старосту и мысленно проклиная тот час, когда Глорис приспичило притащить в дом *нелюдь*.

– Марес!!! – позвала она, надеясь, что тот способен еще понимать простые слова.

Лицо старосты напоминало кровавую маску ужаса; то, что осталось от уха, обильно сочилось кровью. Несколько мгновений протрезвевший Марес взирал на Миральду – с серым зубастым чудовищем на руках – а затем, тонко и жалобно взвизгнув, метнулся прочь.

Ведьма тихо выругалась. Взглянула в черные пуговики-глаза.

– Проклятье, проклятье... Что же ты наделал, а?
Дэйлор заурчал и выплюнул кусок уха.

Миральда заметалась по сараю. Что же делать? Бежать к Маресу и просить прощения? Но как она сможет объяснить, что кошмарная серая тварь – не порождение ее магии, а всего лишь личинка дэйлор, найденная в лесу? И надо предупредить сестер... А если крестьяне нападут – и убьют малыша? Горло сжалось в спазме.

– Что же ты наделал?! Почему?..

Маленький дэйлор урчал, с недоумением глядя на плачущую женщину.

Миральда положила его на пеленки, постояла несколько мгновений, стараясь успокоиться, и невольно прислушиваясь к тому, что происходило за стенами коровника. Тишина.

Быть может, еще все можно уладить?..

Она спрячет на время личинку в лесу – так будет лучше для него же. Тогда раны Мареса можно будет свалить на невесть откуда взявшегося демона, который якобы уже давно вредит сестрам... А затем она пойдет к Маресу – и тогда уж придется постараться, чтобы уладить дело...

От подобных мыслей Миральда поморщилась – но тут же одернула себя. Ничего не поделаешь – придется терпеть. А не то – быть беде.

Руки предательски тряслись, когда она закутывала малыша в тряпки. Стараясь не смотреть в черные глаза, чтобы не видеть молчаливого укора, взяла его на руки – и торопливо вышла из коровника. Вокруг не было ни души, будто деревня вымерла; странная и неприятная тишина повисла в воздухе. Миральда заглянула в избу, чтобы предупредить сестер – но, к собственному удивлению, никого там не застала.

«Интересно, где они?» – ведьма покачала головой, – «видать, Глорис свиданничает, а Эсвендил... Наверное, пошла собрать трав...»

Вспомнив о бродящей среди болот ночнице, Миральда надела на шею обсидиановое ожерелье, а к поясу пристегнула свои мешочки. Затем положила притихшего дэйлор в корзину и поспешила к лесу, то и дело оскальзываясь на мокрой жирной земле.

Никто не остановил, не окликнул ее, пока она шла к деревенским воротам. Только лица бледнели сквозь мутные, затянутые пузыряем, оконца. Да ненависть и страх сочились из всех щелей...

Миральда стиснула зубы. Да что же это такое? Повезет ли ей и сестрам когда-нибудь?
Дэйлор пискнул и закопошился в пеленках.

– Лежи! – прикрикнула Миральда, – все из-за тебя! И нужно было откусывать ухо этому дураку? Сама бы управилась. А теперь что будет? Марес в штаны со страху наложил, а тебе придется в лесу немного побыть, пока я все не улажу... Да, нельзя тебе было в деревне оставаться, нельзя!

Черные глаза-бусины внимательно смотрели на нее, изучающе и немного грустно.

– Ты ведь наверняка все понимаешь, а? – пробурчала ведьма, – значит, посидишь тихонько в корзине. А ночью я за тобой вернусь...

... Подходящее дерево Миральда нашла довольно быстро – старый дуб, в развилку которого прекрасно становилась корзина. Дэйлор молчал, только наблюдал за действиями ведьмы.

– Посиди здесь, малыш, – уже мягко сказала она, – и ничего не бойся. Я тебя не брошу, честное слово. Я еще увижу, как ты превратишься в настоящего воина!

Личинка оскалилась и заурчала.

– Вот и хорошо, – Миральда погладила дэйлор по лысой голове. А потом, сама не понимая зачем, поцеловала его в лобик.

– Сиди здесь тихонько, и все будет хорошо. Я обязательно вернусь.

Она быстро пошла прочь, стараясь не оглядываться – потому что знала: оглянись, и не сможет уйти, бросить этого несчастного малыша, еще раньше обреченного кем-то на смерть...

«Но я же вернусь за ним,» – пыталась оправдываться она перед самой собой, – «вернусь... Но... вдруг за это время с ним что-нибудь случится? Вдруг его ночница сожрет? Может быть, все-таки надо было его спрятать где-нибудь поближе к деревне?»

Миральда остановилась. Обругала себя круглой дурой. Ну конечно! Зачем было нести его так далеко? Ведь можно было спрятать его в погребе!

...Пространство раскололось на тысячи осколков, мгновенно впившихся в тело, причиняющих невыносимую боль. Крик рвался из горла – но изо рта вылетел лишь едва слышимый хрип. Миральда протянула руки вперед, к сестрам, пытаясь загородить их собой, своим телом, но тела – не было. Оно вдруг стало прозрачным и невесомым...

Эсвендил. Неторопливо шагает по главной улице, в ее руках – тяжелый мешок, набитый травами. Едва слышное жужжание – и умело брошенный аркан уверенной петлей охватывает ее шею. Из-за плетней выскакивают молодые мужчины, вооруженные кто чем. Вилы, топоры, рогатины. И – кровь, кровь, кровь...

Глорис. Ее нежную шею перерезает холодная сталь. Нож – в руках Маркеша, ее любовника. Темно-красная волна захлестывает, унося, грозя затянуть в водоворот безумия...

И вновь – мириады осколков, пронзающие плоть, исторгающие из горла беззвучный крик.

Миральда закричала – теперь уже по-настоящему. И, не разбирая дороги, понеслась в деревню.

Она бежала, не видя перед собой ничего, не ощущая, как ветки до крови царапают лицо; задыхаясь и с хрипом выплевывая воздух, вдруг ставший таким вязким. Перед глазами стояли лица сестер – бледные, безжизненные, в неестественно-ярких алых пятнах.

– Что вы делаете с ними?! Зачем? За что?..

Но ее никто и не слышал, потому что бесплотный дух мало кого может напугать. А она смотрела – и ничего не могла уже поделать. Ничего...

Ведьма едва помнила, как падала, как проткнула себе ладонь острым сучком. А потом... Поскользнувшись, Миральда покатила по склону небольшого овражка; мир закрутился, размазавшись бесформенным пятном – и погас.

* * *

... Звезды. Яркие капли на черном небосклоне – как замерзшие в пустоте слезы. Продолговатый, застывший в прищуре малый глаз Хаттара, Отца-Неба. Шлейф лунного света, стекающий по черным ветвям.

Миральда села и огляделась, не совсем понимая, как попала на дно оврага. Затем... нахлынули воспоминания – безумный бег по лесу, видения, и сестры...

Застонав, ведьма обхватила голову руками. Глорис... Эсвендил... Неужели она почувствовала их гибель?

Не могло же это все быть просто иллюзией? Или... как раз иллюзией это все и было? Ведь не зря бродит по лесу ночница, заманивая в топи путников?

Ведьма осторожно поднялась на ноги – голова кружилась, каждая косточка ныла и болела, словно ее, Миральду, отходили жердями. Под черепом назойливой мухой билась мысль – если это дело рук болотной ночницы, то отчего же она, ведьма, до сих пор жива? Все должно было быть иначе...

Выкарабкавшись из овражка, Миральда побрела к деревне – но теперь уже осторожно, прислушиваясь к лесным голосам.

Силы постепенно возвращались к ней, шаг обрел былую упругость и легкость. Миральда неслышно скользила, тень среди переплетения теней. Еще немного – и она вынырнула из пролеска.

... Казалось, деревня спит в сверкающем коконе лунного света. Где-то на болотах скрипела ночная птица. В промозглом воздухе плавал запах гари.

Ведьма, озираясь по сторонам, вышла на открытое место. Никто не напал на нее. Вообще, впечатление было такое, что люди просто-напросто легли спать, напрочь забыв о происшедшем. Или... все же иллюзия, забава ночницы?

Стараясь держаться в тени, ведьма осторожно пошла вперед; пальцы невольно легли на обсидиановое ожерелье. Но в десятке шагов от запертых ворот Миральда остановилась, как вкопанная. Что-то было не так, как прежде... что-то... изменилось в облике высоких ворот – но она не сразу осознала, *что именно*.

Над деревянной, потрескавшейся от времени аркой, появились два странных круглых предмета, насаженных на колья.

Миральда судорожно сглотнула горькую слюну. Не смея шевельнуться, стояла и смотрела – на мертвые головы Эсвендил и Глорис. Легкий ветерок шевелил длинные волосы, слипшиеся от крови; тени скользили по бледным, обескровленным лицам. Мир вокруг стремительно утрачивал краски, становясь серым, как зола прогоревшего и потухшего костра.

Потом он странно вспучился, треснул, и ведьма ощутила, как в лицо брызнула зловонная черная жижа.

Она медленно отерла щеку, посмотрела на свою ладонь – но рука, проткнутая острым сучком, была просто в крови, ее собственной.

Ведьме показалось, что губы сестер шевельнулись.

Они и вправду шевелились. Шептали беззвучно:

– Отомсти... отомсти... за нас... сестренка...

И все вокруг снова стало самым обычным; серая паутина, опутавшая было сознание, растворилась в ночи.

Миральда смотрела, как блестят в лунном свете рыжие волосы Эсвендил и Глорис. В голове крутился всего лишь один вопрос – зачем? Зачем *они* сделали это – не просто убили двух молодых женщин, но еще и надругались над их телами?

Услужливая память подсунула ответ: голова ведьмы – прекрасный оберег от сил зла. Еще одна глупая и злая сказка, родившаяся из страха и зависти.

Миральда засмеялась, уже не думая, что ее могут услышать. Где-то на болотах ей скрипуче вторила ночная птица.

Эти глупые людишки полагают, что смогут защититься, насадив на колья мертвые головы! Что ж...

Пальцы сомкнулись на обсидиановом ожерелье; рывок – и холодные кусочки «ведьминога камня» уютно угнездились в сжатом кулаке. Голос Эсвендил, похожий на шелест камыша, мягко прозвучал в ночной тишине.

– Миральда... отомсти...

Ей вторил звонкий голосок Глорис, младшей ведьмы.

– Отомсти за нас, сестренка!

Теперь их головы улыбались, и лунный свет играл на пышных волосах.

– Да... да, мои дорогие... – прошептала Миральда, вскидывая руки вверх, к небу, в немом упреке Хаттару. В силу которого они верили, но который не уберег и не спас.

Сила, такая же черная, как и порождающий ее обсидиан, потекла сквозь ее тело, бережно приподнимая над землей.

Налетел первый порыв ветра, швыряясь листьями и мелкими веточками, хлеща по лицу ледяными ладонями.

Боль и ненависть переплелись с силой камня, выплескиваясь в темное небо, затмевая холодное сияние звезд и блеклый свет луны.

– *Aaderenn, eki-torr, d'harell!*

Голос Миральды сорвался, словно по связкам рубанули ножом. Но того, что она сделала, уже было достаточно: высоко над деревней зародился и в багровом сиянии начал разворачиваться пламенеющий хлыст. Ветер, словно обезумев, вихрем кружился вокруг нее, все выше и выше, сгребая с земли пыль, камешки, сухие ветки.

Миральда раскинула руки в сторону, выплескивая всю силу, без остатка, в огненный хлыст. Со стороны деревни послышались крики, где-то разразился плачем ребенок. Потом... все заглушил вой ветра.

И хлыст, наконец развернувшись, ударил по деревне всей влитой в него мощью.

...Миральда не знала, сколько длился транс. Опомнилась уже на земле – горячей, покрытой пеплом, будто огонь прошелся и там, где она стояла.

Потом пришла боль – безжалостная, неистовая. Ведьма скорчилась, подтянув ноги к груди, скрипя зубами. Разжав кулак, где было обсидиановое ожерелье, она увидела, что камень распался в прах, остались только обрывки серебряных цепочек.

И Миральда заплакала, размазывая по лицу слезы и гарь.

От деревни не осталось ничего, словно гигантский молот разбил даже обугленные остовы изб. Ни единого звука не нарушало мертвую тишину, повисшую над пепелищем.

Эсвендил подошла и села рядом, аккуратно подобрала юбки.

– Ну ты и устроила, сестренка.

– Да, да. Мы всегда знали, что когда-нибудь ты выкинешь что-то особенное, – усмехнулась Глорис, усаживаясь рядом, по другую сторону от Миральды.

Они улыбались и выглядели... вполне живыми.

Миральда поперхнулась осевшей на горле гарью.

– Но вы же... они убили вас?

Изо рта вместо голоса вышел едва слышный хрип. Но сестры прекрасно поняли, что она хотела сказать.

Эсвендил потрепала ее по плечу.

– Да, Миральда. Нас больше нет. Мы отправляемся далеко... так далеко, как тебе и не снилось. Может быть, мы встретим там маму.

– И мы обязательно будем ждать тебя на границе, когда настанет твое время, – тихо добавила Глорис, – жаль, что все так получилось... Жаль...

– Долги оплачены, Миральда, – улыбка Эсвендил была горькой, как дикий мед, – и мы должны уйти. Ты остаешься одна.

Ведьмы поднялись как по команде и, взявшись за руки, медленно пошли прочь, оставив в предзвездных сумерках. Высокие, стройные; длинные рыжие волосы развеваются на легком ветерке.

– Подождите! Эй! Глорис, Эсвендил!!! – Миральда, преодолевая страшную слабость, поднялась на ноги. Сестры остановились.

– Возьмите меня с собой! – просипела ведьма, чувствуя во рту вкус крови.

– Глупышка, – Глорис мягко улыбнулась, – оставайся. Мы бы тоже остались, если бы... могли...

– Но мы всегда будем напоминать о себе, – Эсвендил неуверенно потопталась на месте, и вдруг, улыбнувшись, добавила, – *мы всегда будем с тобой.*

Ноги Миральды подогнулись, и она рухнула на колени в пепел.

– Не уходите... Что я без вас?

Но два силуэта уже растворились среди тусклых теней и ключев промозглого тумана. А в ушах прозвучал легкий, как шепот ветра в листве, голос младшей ведьмы:

– Не оставляй, пожалуйста, малыша дэйлор. Он погибнет без тебя.

...Глотая слезы, Миральда побрела в лес, туда, где оставила корзину. Силы уходили, как вода сквозь пальцы – и каждый шаг отдавался болью во всем теле, словно она ступала по лезвиям ножей. В душе царила холодная, черная пустота. Почему она жива – а сестры ушли, навсегда, даже не успев как следует насладиться жизнью?

Запоздало Миральда подумала о том, что если сейчас ей встретится ночница, она будет совершенно беззащитна перед нелюдью.

«Ну и пусть. Пусть она убьет меня – и мы снова будем вместе. Я, Эсвендил и Глорис. Да, так будет лучше».

Ведьма без труда нашла приметный дуб с развилкой; корзина по-прежнему была там. И дэйлор сладко посапывал в ворохе пеленок.

Миральда, привстав на цыпочки, стянула корзину вниз, на землю, но для этого ей пришлось приложить такие усилия, словно это и не корзина была вовсе, а каменная глыба.

Утерев дрожащей рукой пот, ведьма села на землю, подтянула к груди колени. С болота веяло холодом и сыростью.

Только теперь Миральда с ужасающей ясностью осознала, что осталась совершенно одна. В лесу. С личинкой дэйлор на руках, из-за которой все и случилось. Но... не слишком ли поздно жалеть о том, что не оставили они это существо в лесу?

Мысли путались, сплетаясь в дикой пляске. Усталость давила на плечи, как могильный камень. Веки сами собой опускались, перед глазами задорно прыгали серые точки.

«Мне нужно передохнуть... Немного...» – подумалось Миральде, – «возможно, последнее заклятие было слишком сильным, даже для меня...»

Где-то рядом хрустнула ветка; ведьма вскинулась, огляделась – в пяти шагах от нее стояла болотная ночница. В сумерках хищно поблескивали продолговатые глаза – так похожие на кусочки черного обсидиана. Длинные волосы гладко струились по плечам.

Ночница молча стояла и смотрела.

– Что, явилась?

Миральде очень хотелось выкрикнуть это в белое, неестественно красивое лицо *нелюди*, но из горла вышло едва слышное шипение.

Ах, да. Она же сорвала голос.

На миг ведьме стало страшно. А потом страх схлынул, растворился в радостном ожидании. Может быть, это будет больно – но скоро она увидит Глорис и Эсвендил...

Темный силуэт шевельнулся, ночница шагнула вперед. Неторопливо, словно была абсолютно уверена в своих силах, подошла ближе – и склонилась над скорчившейся на земле женщине. На гладком белом лбу пролегла задумчивая морщинка.

– Чего ждешь? – выдохнула Миральда.

Ах, если бы не уходили так быстро силы! Она могла бы, по крайней мере, бороться. Не магией, обычными, человеческими силами. Схватила бы ветку потяжелее... А тут – даже руку сложно поднять, не говоря уже о чем-то большем.

Мир вокруг стремительно темнел, сливаясь перед глазами в одно большое тусклое пятно. Ночница наклонилась еще ниже, ее дыхание пощекотало Миральде щеку.

– Давай, не тяни, – выдохнула ведьма.

Черные глаза, напитанные тьмой, зло сузились.

Значит, нелюдь узнала убийцу своей *сестренки*.

Миральда улыбнулась. Сознание угасало слишком быстро, и она, не в силах удержаться на его кромке, полетела во мрак.

Теперь... Спасительная тьма укрыла ее, избавляя от боли.

Глава 2

Сестры печали

Из окна величественного д'Элома'н'Аинь, великого дворца, «равного-которому-нет-под-небесами», был виден край Поющего озера. Лунный свет, просачиваясь сквозь пушистые лапы елей, блестящим узором ложился на черное зеркало воды, на глянцевые, словно покрытые глазурью, круглые листья золотых кувшинок.

Этой ночью озеро молчало. Не было слышно тех дивных звуков, что полнили сад д'Элома'н'Аинь при жизни последнего монарха дома д'Амес. Будто озеро знало *истинную* причину его гибели. И не желало услаждать слух убийцы.

Селиннор вздохнул и отвернулся. Быть может, это просто совпадение, и через пару ночей озеро снова запоет, как и раньше? И благодать снизойдет на Дэйлорон... Хотя... все это больше всего походило на самообман. Уж кто-кто, а Селлинор знал, что угасание дэйлор началась уже давно.

– Совет ожидает своего государя.

Селлинор вздрогнул от неожиданности и обернулся. На пороге кабинета нерешительно переминался с ноги на ногу его советник, лорд Каннеус. Недовольный, что его застали врасплох, король медленно промолвил:

– Я ждал хороших новостей.

Дэйлор поклонился – не очень-то низко.

– К сожалению, милорд, как ваш первый советник и министр тайного сыска, я не могу Вас порадовать.

Король скрипнул зубами.

– Закон нарушен, Каннеус. Я до сих пор не увидел тела личинки, закон не соблюден. Какие меры были приняты лично вами? Как вообще вы допустили, что вдова успела спрятать принца?

Он в упор взглянул на своего советника, ожидая, что тот, по крайней мере, опустит взгляд. Ничего подобного не произошло. Лорд Каннеус спокойно взирал на своего монарха, и было невозможно что-либо прочесть в его черных, глубоко посаженных глазах.

Тут Селлинор подумал о том, что повел себя слишком неосмотрительно, доверив часть своих дел этому немолодому, но еще очень крепкому дэйлор; подумал он и о том, что было бы неплохо избавиться от министра при первой же возможности...

Лорд Каннеус молча смотрел на своего владыку, то ли обдумывая ответ, то ли ожидая продолжения королевского монолога. Лунный свет, падающий снопами сквозь окно, играл в гранях крупного бриллианта, украшающего ухо министра, влажно блеснул на гладко зачесанных назад и напوماженных волосах – уже не иссиня-черных, а опутанных сединой.

«Зря я связался с ним», – мелькнула неприятная мысль, – «зря... Уж *этому* точно нельзя доверять. Он и родную мать бы задушил... На благо Дэйлорона! Хотя... Главное, что я смог убедить его в своей правоте... Да, это главное!»

Король хмуро кивнул министру.

– Что молчишь, лорд Каннеус? Я, кажется, задал вопрос.

Тот поспешно склонил голову – уж не для того и, чтобы скрыть усмешку?

«И лоб у него слишком высокий, слишком», – раздраженно заметил Селлинор, – «надо будет и впрямь от него избавиться... Позже. Ведь пока он полезен...»

– Милорд, это, вероятно, моя вина. Я даже предположить не мог, что девица, взятая из дома низкорожденного, окажется способной к магии, да еще таких порядков, в то время как волшебство дэйлор умирает. Если бы я знал, то согнал бы надежных магов, и они смогли бы

предупредить это... Возможно, последнее заклятье получилось у нее спонтанно, непреднамеренно. Знаете, когда умирает мать, она готова на многое, лишь бы спасти дитя.

– Хорошо, – Селлинор недовольно пожевал губами, – ты великолепно объяснил мне это. Теперь попробуй разъяснить, почему личинка до сих пор не найдена.

Каннеус развел руками – луч блеклого света скользнул по расшитому рукаву камзола, заиграл на серебристых звездах.

– Милорд, нынешние маги дэйлор в состоянии засечь только проявление магии. И, к великому прискорбию, не способны обнаружить одно живое существо среди мириадов, которое не творит собственных заклятий. К тому же, милорд, вероятность того, что принц выживет, предельно мала. Скорее всего, он уже стал добычей какого-нибудь хищника. А если случайно попал к людям – то его участь, полагаю, также была решена довольно быстро.

На сей раз улыбка и в самом деле тронула тонкие губы Каннеуса – и в тот же миг исчезла, словно ее и не было. В черных глазах сверкнул недобрый огонек. Хотя... Это был всего лишь блик лунного света.

Селлинор недовольно передернул плечами, прошелся по кабинету. Еще раз взглянул на черное зеркало воды – лунный цветок уже распускался, мягко светясь в потоках серебристого лунного света, огромный шар из тоненьких трубочек-лепестков. Но озеро по-прежнему хранило молчание.

– Вы могли бы прочесать приграничные земли, – пробурчал король, – закон дэйлор гласит, что жены и потомство должны последовать за монархом и воссоединиться с духами предков – в случае, если он не успел провозгласить имя наследника. Что, если личинка выживет и вернется?

– О, я бы так не думал, мой король, – Каннеус энергично затряс головой, – как я уже говорил, вероятность чрезвычайно мала. Скорее всего, принцем уже пообедала какая-нибудь тварь.

– И все-таки? – Селлинор остановился напротив министра, пристально взглянул в его темные глаза.

Каннеус равнодушно пожал плечами.

– Не беспокойтесь, милорд. Даже если произойдет чудо – я подчеркиваю, именно чудо – и принц объявится в Дэйлороне, вам ничего не грозит. Обряд коронации состоялся, вы – единственный и законный монарх дэйлор. Мальчишка сможет претендовать на престол только в том случае, если вы умрете... простите, милорд, что я говорю это... если вы умрете, не огласив имени наследника. К слову, принцу еще придется доказывать свою принадлежность к дому д'Амес.

– Значит, он может вернуться, и будет жить в замке дома д'Амес, – уточнил Селлинор, – и не сможет претендовать на престол?

– Именно, милорд. Пока вы живы... Так что нет повода для беспокойства. Никакого. И еще, милорд...

– Да?

– Уже год прошел после гибели вашей дочери. Вы до сих пор носите траурную повязку. Я понимаю, что горе отца бесконечно, и все же – монарх должен проявить силу духа. Прошу вас, прислушайтесь к моим словам.

Король нахмурился.

– Это не твоего ума дело, Каннеус. Тебе не понять моей скорби.

Министр коротко поклонился.

– Совет ждет вас, милорд.

– Иди, Каннеус. Я... должен собраться с мыслями. А Совет подождет своего короля.

Дэйлор чуть приподнял брови, но ничего не сказал. Молча вышел из кабинета и неслышно притворил за собой дверь, оставив короля в одиночестве.

Селлинор поглядел на зеркальную гладь озера.

– Почему ты молчишь? Почему?! Уж тебе-то должно быть все равно, кому петь. Или нет?

Поющее озеро молчало. Тихо шелестели вековые ели, подступившие к самой кромке воды, и молочно-белые руки тумана нежно обнимали шершавые стволы.

Селлинор прикоснулся к траурной повязке, которую носил, не снимая. Каннеус, сам того не подозревая, повернул стилет в незаживающей ране: память, помимо воли короля, уносила его прочь из дворца, в то время, когда...

Служанка, которая должна была сопроводить Нивиллу через порталы, билась в истерике.

– Господин... господин... пощадите! Не моя вина... Клянусь сердцем Дэйлорона!

Он, не размахиваясь, отвесил ей одну пощечину. За ней – другую. Этого оказалось достаточно, чтобы дэйлор затихла, но взгляд ее по-прежнему оставался бессмысленным.

– Говори, что произошло. Говори!

– Госпожа... Что-то случилось с порталом... мой повелитель... Я не знаю, клянусь! Мы вошли в него вместе, держась за руки... Но потом... На середине пути... Я поняла, что осталась одна!.. Госпожа... Она исчезла!

– И ты ничего не заметила странного?

Девушка судорожно всхлипнула и покачала головой.

Селлинор смотрел на озеро, на черное зеркало, в котором медленно плыли две бледных луны. Год уже прошел – а это все еще перед глазами...

Затем, передернув плечами и поправив траурную повязку на рукаве, король поспешил на Совет, где его дожидались министры.

* * *

...Как же хочется пить! Тело высохло, как стебель травы под палящим солнцем, язык – распух и почти царапает по небу... Глаза застилает багровый туман, сквозь который ничего не разглядеть. Хотя бы каплю воды!

К губам прикасается что-то холодное и твердое.

И вода – невообразимо вкусная вода – щедро льется в рот.

...Багровый туман рассеивается. Над головой – потолок из тесно уложенных веток. Попытка повернуть голову отзывается жгучей болью во всем теле. Жажда притаилась где-то рядом, но не спешит возвращаться. Ждет...

...Звук шагов – мягких и легких. Хочется повернуться и посмотреть на того, кто вытащил ее из цепких лап смерти. Но тело пока не слушается; каждое движение как пытка.

Скрипя зубами, Миральда все-таки поворачивает голову – от боли перед глазами снова начинает собираться багровая муть.

– Тебе не стоит сейчас двигаться.

Мягкий, шелестящий голос с едва различимым певучим говором.

Туман перед глазами медленно рассеивается; теперь можно разглядеть плетеные из прутьев стены, грубо сколоченный стол из темных от старости и сырости досок... И обладательницу мягкого голоса.

Все внутри сжимается, стягивается в узел – болотная ночница без тени улыбки смотрит на распростертую ведьму. В ее тонких руках – обыкновенная глиняная плошка, над которой поднимаются колечки пара.

* * *

– Ты должна была меня убить, – прошептала Миральда, – я убила твою сестру.

– Я знаю.

На бледных губах появилось некое подобие улыбки.

– Я знаю, – задумчиво повторила ночница, – но ты потеряла *своих* сестер. Судьба нас рассудила – и теперь мы квиты.

– Что ты со мной теперь будешь делать? – Миральда напряженно вглядывалась в наполненные клубящейся тьмой глаза, – зачем ты притащила меня сюда?

– Ты станешь моей сестрой.

– Никогда! – Миральда дернулась, попыталась приподняться – но все бесполезно. Проклятое, ослабевшее тело. Ночница пожала плечами.

– Я могла бы сделать тебя своей сестрой еще тогда, когда ты была без сознания. Но, как видишь, я поступаю честно. Ты станешь ночницей только тогда, когда сама этого захочешь.

Ведьма закрыла глаза. Быть может, она сошла с ума – и все происходящее – тяжкий бред? Болотная ночница, сохранившая ей жизнь, чтобы сделать своей сестрой...

– Мы сестры печали, – негромко промолвила нелюдь, – ты сможешь стать одной из нас. Но если не захочешь – я не буду тебя удерживать здесь.

– Глупо даже думать, что я соглашусь, – выдохнула Миральда, – лучше бы ты меня убила.

Ночница улыбнулась, в блестящих глазах мелькнуло странное выражение затаенной печали.

– Но разве ты уже не сделала первый шаг к этому, ведьма? Когда сожгла деревню вместе с ее жителями?

Миральда вздохнула. Бесполезно спорить с болотной ночницей, в ком живет темная мудрость этого мира. А потом воспоминания нахлынули бешеным потоком, грозя смыть, унести в бушующее безумие.

...Огненный хлыст, напитанный породившей его яростью, с шипением опустился на крайний дом, мгновенно обращая его в кучу обугленных головешек. Поднялся – и опустился. Снова и снова, пожирая избы одну за другой – а заодно и тех, кто находился внутри. Сквозь дикое завывание ветра Миральда услышала вопли, мольбы о спасении... В крике разрывался ребенок... На миг ей померещилось, что она слышит тонкий голосок Шентти, но огненная смерть вновь ринулась с неба на землю – и спасенная некогда от болотной ночницы девушка замолчала. А багровый хлыст все рос и рос, становился толще, будто пил души гибнущих людей. В последний миг, до того, как сознание покинуло ведьму, на дымящиеся головешки сверху обрушился гигантский молот, вколачивая пепелище в землю...

Она, ведьма, призванная небом защищать людей от народа Зла, обогрела свои руки кровью. И это не смыть до конца жизни...

– Между прочим, это было весьма и весьма недурственно, – прошелестела над ухом ночница, – я почувствовала *отражение*... Кто бы мог подумать, что обычная ведьма окажется способной на такое? В твоих руках немалая Сила... Став ночницей, ты не только не растеряешь ее – но обретешь способность черпать магию отовсюду – а не только из вещей. И сможешь мстить дальше за своих сестер...

Миральда усмехнулась. Просипела:

– Мне нечего противопоставить твоим доводам, и ты это знаешь. Но все же – нет.

– Как скажешь, – ночница осторожно подсунула ладонь под затылок и приподняла голову Миральды, – меня зовут Кларисс. А тебя, полагаю, Миральда?

Кромка площадки коснулась губ, в ноздри ударил острый, с кислинкой запах неизвестных трав.

– Что это?

– Пей, не бойся. Ты переступила свой порог магии, тогда, ночью... А за все надо платить.

Миральда осторожно потянула горячий отвар – на вкус просто гадость.

– Пей, – повторила Кларисс, – так ты быстрее поднимешься. Голоса, правда, боюсь, ты лишилась навсегда.

И тут Миральда наконец решилась задать вопрос, который мучил ее с того момента, как она обрела способность здраво мыслить.

– Что ты сделала с личинкой?

– Ничего. Я не ем маленьких дэйлор. Я принесла его сюда, и на следующий день он окуклился. Теперь под навесом лежит здоровенный серый кокон, оттуда доносятся скребущие звуки и тонкий писк. Полагаю, скоро у нас вылупится молодой дэйлор. Странно только, что родители бросили его – родственники-дэйлор могут обмениваться мыслями, и мать всегда слышит своих детей. Да и отец тоже... Похоже на то, что малыш – сирота.

Миральда молча проглотила отвар, и ночница так же осторожно уложила ее голову обратно.

– Странные вы, люди, создания, – пробормотала Кларисс, – твои соплеменники разрушили все, что было твоим счастьем. Что тебя удерживает среди них?

– Не знаю.

Ночница только покачала головой.

– Это глупо. Попытаться быть тем, кем уже никогда не станешь.

И молча вышла, аккуратно притворив за собой плетеную дверь.

Миральда проводила ее взглядом. В чем-то нелюдь была права. Разве сможет она, ведьма, забыть о том, что люди сделали с ее сестрами – и о том, что сделала с теми людьми она? Быть может, теперь и в самом деле ей осталась одна дорога? Стать сестрой печали?

Плетеные стены расплылись бесформенными пятнами, горячие капли медленно потекли, смазываясь, к вискам. Вытереть бы слезы – но нет сил. Совсем. Руки – словно набитые шерстью кули...

Когда ночница Кларисс обмолвилась о *пороге*, Миральда ничуть не удивилась. И для загадочных магов Закрытого города, и для обычных ведьм и охотников за нелюдью существует грань, отделяющая доступную мощь от запредельной, непосильной. В ту ночь, обезумев от горя, она шагнула далеко за пределы своих обычных возможностей – и вот – расплата.

Чуть слышно скрипнула дверь; от мысли, что *нелюдь* застанет ее плачущей, кровь прилила к лицу. Но руки по-прежнему двумя кулями лежали вдоль тела. Из всех сил сдерживая рыдания, Миральда отвернулась к стенке – и вдруг ощутила прикосновения мягкой тряпицы к щекам.

– Успокойся, – твердо сказала Кларисс, – тебе тяжело, но это проходит... все проходит. Тебе надо поесть, чтобы силы возвращались быстрее.

– Вареного младенца? – просипела Миральда, безуспешно пытаясь улыбнуться, – спасибо, но я не ем человечину.

– Всего лишь похлебку из болотных трав. И ржаную лепешку.

– А откуда у тебя ржаная лепешка?

Кларисс усмехнулась; черные глаза странно блеснули.

– Не забывай, кто я. Если мне нужен хлеб – я всегда найду, где его взять. Быть может, даже из дорожной сумки погибшего странника. Вижу, ты побледнела? Нет, не беспокойся. Эту лепешку я честным образом украла. Просто украла, никого не убив.

... Миральда ела с ложки пустую похлебку, остро пахнущую болотным кареусом, жевала черствую лепешку – и старалась не смотреть в глаза своей добровольной сиделке. Хотелось спросить – «зачем ты это делаешь? Неужели надеешься сделать из меня такую же нелюдь, как и ты?» Но, при виде бледного, сосредоточенного лица ночницы язык прилипал к гортани – и вопрос так и оставался незадаанным.

Позже Кларисс посидела немного рядом, молча, размышляя о чем-то своем. А Миральда, старательно прикидываясь спящей, из-под ресниц разглядывала ее лицо – красивое, без малейшего изъяна. Таких лиц не бывает у людей. И, не удержавшись, все-таки спросила:

– Кларисс... Ты помнишь, кем была до *перерождения*?

Черные ресницы резко взмыли вверх, тьма, наполнявшая и зрачки, и склеру, словно взорвалась, забурлила.

– Разумеется, помню. Если тебе так интересно, я не была человеком. Я была дэйлор.

Так вот откуда эти иссиня черные волосы, эти тонкие, совершенные черты...

– Я была дочерью одного из глав правящих домов, – тихо продолжила Кларисс, – это было так давно... уже две сотни лет минуло с тех пор, как моим домом стало болото. Но сестра, которая дала мне новую жизнь, сделала это... не спрашивая моего согласия. И я никогда не поступлю так, как она.

– Она... – Миральда закашлялась в попытке извлечь из порванных связок хоть какие-нибудь звуки, – она еще жива? Та, что сделала тебя ночницей?

Кларисс покачала головой.

– Нет. Мы жили тогда в Кайэрских топях, и нас поймали люди. Ее убили сразу, меня... Оставили в живых. И я отправилась бы вслед за сестрой, если бы не одна девушка.

– И эта девушка тоже стала ночницей? – прошептала ведьма, холодея.

Кларисс кивнула.

– Да, моя сестра... Ее убили три ведьмы, недавно появившиеся в здешних местах.

* * *

По прошествии трех дней Миральда смогла самостоятельно подняться с кровати и выйти из плетеного дома болотной ночницы.

Как и предполагала ведьма, хижина стояла на небольшом возвышении, посреди гнилых топей; кости, часть из которых принадлежала детям, были раскиданы по островку, белели среди изумрудной травы. Запах гнили и разложения, по неизвестной причине незаметный внутри дома, здесь был весьма ощутимым.

Стараясь не наступать на кости, Миральда обошла хижину – и остановилась у кривого навеса. Там, на траве, лежал продолговатый кокон серой паутины, формой своей отдаленно напоминающий спящего на спине человека с руками, сложенными на груди. Ведьма осторожно прикоснулась к мягкой поверхности – и тут же отдернула руку: кокон оказался довольно горячим.

– Каким же ты будешь, маленький дэйлор? – невольно пробормотала она.

– Ну, уж маленьким он точно не будет, – раздался голос Кларисс, – вы, люди, совсем не знаете дэйлор. У дэйлор нет детей – только личинки. А из кокона выходят взрослые, вполне способные к самостоятельной жизни особи.

Миральда оглянулась и ощутила, как зашевелились на голове волосы: ночница стояла, непринужденно облокотясь о плетеную стену и неторопливо ела сырое сердце, кусая его, как яблоко, время от времени брызгая темной кровью.

– Зачем ты это делаешь? – выдохнула ведьма, – зачем ты убиваешь?

Кларисс пожала плечами. Неспешно дожевывая сердце, вытерла руки о тряпку.

– Странный вопрос, Миральда. Я делаю это потому, что не могу иначе. Такова природа болотных ночниц, и с этим ничего не поделаешь. Даже если бы я очень захотела что-то изменить... Но все дело в том, что я – не хочу. Я такая, какая есть. К слову, разве люди не убивают? Не ради еды, но ради прихоти. Разве не убили они твоих сестер? И разве ты не покончила с целой деревней?

– Я никогда не стану такой, как ты, – только и смогла прошептать ведьма.

– Посмотрим. Я могу ждать очень долго, и, наверное, дождусь.

Миральда посмотрела на кокон.

– Если ты была дэйлор, можешь сказать, когда он... родится?

– Думаю, в начале лета. Это будет большой, сильный мужчина. Скорее всего, воин – маги куда как мельче. Да и мало их рождалось за последние двести лет.

– Я хочу его увидеть, – вздохнула Миральда, – не взирая ни на что...

– Увидишь, – ночница улыбнулась, – здесь ты в полной безопасности.

Помолчав, она окинула Миральду пронизывающим взглядом. И добавила:

– Марес, староста вашей деревни, остался жив. Он и еще несколько мужиков – оказывается они, как и подобает храбрецам, не решились ночевать тогда дома и спрятались по кустам в пролеске. И еще... Твои волосы, Миральда...

– Они поседели, – выдохнула ведьма, – я знаю. Они поседели еще в ту ночь. Но разве это так важно?

Ночница пожала плечами.

– Что ж, я рада, что ты не придаешь большого значения таким вещам. Но ты ничего не сказала о том, что будешь делать со старостой.

Миральда вздохнула. Староста Марес... Если бы он захотел, все были бы живы. Но страх и ненависть в его душе оказались сильнее.

– Разве ты не хочешь его убить? – прошелестела ночница, приближаясь, – разве он может жить дальше, когда все не столь виновные погибли?

– Страх за собственную шкуру будет для него лучшим наказанием, – глядя на кокон, пробормотала Миральда, – он будет жить в страхе, шарахаясь от собственной тени. Зная, что жива ведьма, которая хочет его убить.

... Прошел еще один день. Затем еще один. И еще.

Миральда по-прежнему жила в хижине на болоте, вместе с болотной ночницей – существом, наводящим ужас не только на простых крестьян, но и на родовитых магов. Поменьку Кларисс показала ведьме тайные тропы, ведущие за пределы болота, к твердой земле – и Миральда начала выходить в лес. Хотя бы для того, чтобы собрать ингредиенты для своих заклинаний взамен утраченных. Потом Кларисс принесла ей откуда-то одежду – не очень новую, но добротную куртку, рубаху и штаны. Миральда не стала спрашивать, откуда вещи, молча выстирала их и стала надевать для своих походов вместо платья.

А потом... Одним утром они обнаружили кокон разорванным и пустым.

– Куда же он делся? – просипела Миральда, подозрительно глядя на Кларисс.

Та улыбнулась – мечтательно, почти по-человечески.

– Ушел к себе. Дэйлор, где бы не вышел из кокона, всегда идет на зов своих земель. Такова природа дэйлор, и с этим ничего не поделаешь.

– Тут же болота кругом! – хрипло каркнула Миральда, – надо его найти, быстрее!

– Не бойся. Дэйлор хорошо чувствуют, куда можно идти, а куда нет. Думаю, твой малыш уже на границе Дэйлорона...

Миральда обессилено прислонилась к плетеной стенке. Медленно присела на корточки. Как же так? Она нянчила личинку, потеряла из-за него все – и вот благодарность. Ушел, не соизволил даже попрощаться... На глаза навернулись злые слезы.

И потому она не сразу сообразила, что рука болотной ночницы очень нежно обнимает ее за плечи.

– Не плачь, *сестра*, – прошептала Кларисс, – что-то мне подсказывает, что ты его еще увидишь.

Похолодев, Миральда оттолкнула *нелюдь* и вскочила на ноги. Неужто ночница все-таки решилась насильно привести ее к перерождению?!!

Нет. Кларисс поднялась с земли, отряхнула серый подол.

– Глупая, глупая ведьма. Все вы, люди, очень глупые. И злые.

И, одарив Миральду самой чарующей улыбкой, ушла.

* * *

Помирились в тот же вечер. Кларисс сидела у очага, помешивая в котелке какое-то дурно пахнущее варево. Миральда подошла, присела рядом.

– Прости. Я не хотела тебя обидеть. Просто... испугалась.

Кларисс бросила на нее загадочный взгляд.

– Я знаю. И потому не сержусь. К тому же, я обещала дать тебе возможность выбрать самой.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием веток в огне.

– Почему ты не спишь? – вяло поинтересовалась ночница, не потому, что ей было действительно интересно, а чтобы разбить нависшую тишину.

Миральда пожала плечами.

– Я привыкла ложиться за полночь. Не возражаешь, если я немного посижу с тобой?

– Если только тебя не смущает содержимое моего котелка.

Ведьма покосилась на булькающую жижу – на первый взгляд, ничего страшного, похоже на кашу.

– Там нет ничего, что могло бы тебя испугать, – язвительно заметила Кларисс, – даже мне иногда хочется пошутить.

– Ты долго живешь на свете. Расскажи что-нибудь, – попросила Миральда, глядя, как рыжие языки пламени лижут еловые ветки.

Ночница усмехнулась. Поворошила горящие ветки, отчего костер выплюнул в сумерки целый сноп колючих искр.

– Мне не о чем рассказывать, Миральда. Моя история почти закончилась, а твоя еще только начинается. Как мы, ночницы, живем – ты видишь и без моих пояснений. Правда, вы, люди, так и не поняли до сих пор, что все, кого вы называете темной нелюдью – это всего лишь жалкое отражение ваших мыслей и деяний...

Она замолчала и уставилась на Миральду пронзительным, недобрим взглядом. Ведьма поежилась – с болота тянуло промозглым, до самых костей пробирающим холодом.

– Мне, верно, настало время уйти, – пробормотала она, стараясь не смотреть в продолговатые глаза ночницы, – да и не место человеку в твоём жилище... Я вот думаю, что уже набралась сил – и могу отправиться куда-нибудь на запад. Быть может, даже в Меркелон.

– Я не буду тебя удерживать.

Кларисс нахохлилась, как птица на ветру, и принялась с преувеличенным вниманием разглядывать пляску огня. Затем кисло улыбнулась и сказала:

– Сдается мне, ты вернешься. Что бы ты ни думала, Миральда, первый шаг сделан.

– Только время явит истину, – ответила ведьма, – прости, я ничем не могу отблагодарить тебя за то, что ты сделала.

– Самым большим подарком для меня будет, если, встретив на своем пути болотную ночницу, ты не набросишься на нее с заклятьем «шара огня», или как вы там его называете... Все мы – сестры. Сестры печали... Быть может, ты поймешь это...

Миральда промолчала. Болотные ночницы были злом для человека... но сможет ли она, ведьма, защищать тех, кто лишил ее всего?

Эсвендил и Глорис с легкой усмешкой наблюдали за ней.

– *Что, сестренка, теперь ты иначе относишься к долгу ведьмы? Что ж, все мы набираемся ума, набивая шишки...*

Кларисс весело подмигнула.

– Если ты твердо решила уйти, я, пожалуй, все-таки расскажу тебе одну историю.

* * *

... Ночниц привезли ближе к полудню. Охотники – отец и сын – бросили их, спеленутых ремнями, перед старостиным домом. И, пока собирались любопытные, прохаживались вокруг, то и дело награждая пойманную дичь увесистыми пинками.

Атари прибежала за своей хозяйкой; запыхавшись, стояла и рассматривала двух чужаков, что не просто сумели изловить злобных тварей – но еще и взяли их живыми, что было диковинкой.

Старший охотник – высокий, угрюмый мужчина, весь седой, но с глазами черными и молодыми, походил на ворона – с заложенными за спину руками, в черном кафтане. Смуглое лицо его было изрезано морщинами и перепахано шрамами – страшными метками, оставленными нелюдью. Атари заметила, что он слегка прихрамывает.

Сын был очень похож на него: такой же черноглазый и угрюмый. Только не седой еще: неровно остриженные пегие волосы постоянно падали ему на глаза, и он то и дело встряхивал головой, отбрасывая назад непослушные пряди.

– А он милашка, – заметил хозяйка, кивая в сторону молодого, – да и золотишко, небось, водится...

Атари молчала. Смотрела на две кучи грязного тряпья, в которых с трудом можно было угадать два женских тела.

Вот они, болотные ночницы, что наводили ужас на всю округу почти год! Теперь уж никто не сгинет в болотах, погнавшись за мороком... Хорошо, что есть еще охотники, которые могут совладать с проклятой нелюдью...

На крыльце появился староста Сверн; отец и сын, как по команде, повернулись к нему.

– Ну что, человеке, принимай товар.

Сверн всплеснул пухлыми руками.

– Спасители вы наши!

Колобком скатился со ступеней, боязливо обогнул схваченных ночниц, и, бухнувшись перед охотником-отцом на колени, принялся целовать тому руку.

– Брось это! Поднимись... Мы же не бароны какие! – хмуро обронил охотник-сын. Правда, от Атари не ускользнула самодовольная улыбка, мелькнувшая на его губах.

Староста торопливо сунул руку за пазуху, достал пухлый мешочек и вложил его в руку охотника.

– Вот, господин, как договаривались. Не знаю, как Отца-Хаттара благодарить!

Он неуклюже поднялся на ноги.

– Теперь, господа, пожалуйста на угощение!

– А с этими что будете делать? – старший охотник ткнул носком сапога кучу тряпья, да так, что Атари услышала хруст костей. Ночница взвыла, но второй пинок заставил ее замолчать.

– С этими... с этими... – Сверн, растерянно моргая, воззрился на связаную нелюдь, – да головы им поотрубать, да и всех делов. Не то, глядишь, еще развяжутся...

– Не бойся, не развяжутся, – надменно обронил охотник-сын, – ремни-то не простые, а нашим зельем смазанные.

Воцарилось молчание. Затем вконец растерявшийся Сверн пробубнил, что надо бы с мужичками посоветаться. Охотник-отец сплюнул в пыль, ухмыльнулся.

– Я вот что предлагаю, староста. Одну ночницу убьем, а другую – посадим под замок. Видел я здешнюю корчму – скукотища. А нелюдь в клетке, повязанная заклятьями – какая-никакая, а забава.

– А если сбежит? – позволил себе усомниться Сверн, – мы же денег столько больше не соберем...

– Ты что, дурак, сомневаешься в нашей Силе?!!

... На том и порешили. Одной ночнице отрубили голову – к вящему удовольствию поселян. Для второй принялись сооружать клетку, и так как дело затянулось до вечера, нелюдь валялась связанной перед старостиным домом, и каждый желающий мог выместить на ней копившуюся долго ненависть. Стоит ли говорить о том, что желающих нашлось предостаточно?

– Насмерть забьете, – только и ворчал староста.

– Не бойся, они, твари, живучие, – весело ответствовал охотник-сын, – опомниться не успеешь, а ночница уже на ногах будет.

Атари долго стояла, смотрела... Происходящее нравилось ей все меньше и меньше, что было вполне объяснимо: она работала в помянутой корчме, и уже предчувствовала, как ей придется убирать там и кормить страшную нелюдь.

Когда клетку установили, охотники сбрызнули ее донельзя вонючими зельями, нарисовали понятные только им узоры на полу и заявили, что, пока тварь в клетке, она будет лишена своей магической силы и бояться ее не стоит. А, чтобы у ночницы не возникало желания попытаться сбежать, ей раздробили кости голеней – при этом она выла так, что уши закладывало.

Засим последовали обильные возлияния, охотники гуляли с зажиточными мужиками всю ночь напролет – но, как только разлилось мутное молоко предрассветных сумерек, вскочили на коней и уехали. Будто и не пили вовсе.

А Атари, чувствуя себя примерно так, как может чувствовать себя овечка у волчьего логова, осталась убирать.

Нелюдь лежала в своей клетке тихо-тихо, отвернувшись лицом к стене. Не было слышно даже дыхания, и девушка усомнилась – а жива ли тварь?

Отставив метлу и убедившись, что никто не следит за ней, Атари на цыпочках подкралась ближе к клетке. В животе стало тяжело и сладко, это ощущение стянулось в тугой узел под ребрами – как бывает, когда собираешься сделать что-то запретное.

Ночница не шевелилась.

Из-под рваного подола выглядывали две синюшно-багровые колоды, еще часом назад бывшие изящными белыми голеньями. Тонкая рука белела на темном полу клетки.

Атари судорожно сглотнула, еще раз оглянулась. Как же определить, жива ли нелюдь?

Если бы это был человек, она бы, не сомневаясь, протянула руку сквозь прутья решетки и пощупала бы то местечко на шее, где всегда пульсирует жилка. Но в клетке лежала нелюдь.

Сладко-щекочущее чувство в животе усилилось, по коже побежали мурашки; Атари, боясь лишний раз вздохнуть, обошла клетку сбоку, чтобы заглянуть в лицо болотной нелюди.

И вместо лица увидела кровавое месиво.

Ночницу нещадно били ногами, куда придется. Скорее всего, вместо костей у нее осталось крошево...

Атари ощутила внезапный позыв рвоты, на лбу выступили капли холодного пота. И в этот миг страшная маска сморщилась, из разбитых губ вырвался хрип. Девушка отскочила от клетки так, будто ее ноги окатили кипятком, с ужасом наблюдая, как острые когти заскребли по деревянному полу, оставляя борозды.

– Воды... – прохрипела нелюдь, – воды... во имя Небес...

Желудок судорожно сжался в комок. Ледяной пот тонким ручейком потек вниз по позвоночнику.

Ночница приподнялась на полу, повернулась к Атари. Один глаз полностью закрылся, другой был почему-то не черный, а красный, словно наполнился кровью.

– Дай мне воды... во имя милосердия!

Атари растерялась. С одной стороны, в клетке была нелюдь, причем нелюдь темная, не брезгующая человечиною. Но с другой стороны... она была живым существом, и это существо страдало.

Ночница, хрипло дыша, откинулась на пол.

– Думаю, твоему хозяину не понравится, если я сдохну. А без воды я точно сдохну, имей в виду.

Это прозвучало уже в сознании девушки.

– Ты многих убила, – пробормотала Атари, – и еще взываешь к милосердию?

– Но разве вы, люди, никогда и никого не убиваете?

– Убиваем. Но это нужно...

Тихий, шелестящий смех. Не в ушах – в голове.

– Для чего это нужно? Для чего? Если ответишь мне, девочка, то я с удовольствием умру в этой клетке...

Атари так и не придумала, что ответить болотной ночнице. Еще раз убедившись, что никто не следит за ней, налила в деревянную плошку воды и задвинула ее в клетку.

– Пей.

Шипя, ночница подползла к воде, ткнулась лицом в плошку. Раздались хлюпающие звуки; тварь пила, боясь проронить хотя бы каплю. Потом медленно подняла голову.

– Мы, темная нелюдь, всего лишь ваше отражение на этой проклятой земле. Запомни это.

И снова улеглась лицом к бревенчатой стене.

...Наступил день. Атари, которой так и не удалось вздремнуть, устало бродила меж столов. Немногочисленные с утра посетители трактира не столько ели, сколько глазели на скорчившуюся на полу клетки нелюдь. Правда, подойти к клетке не решался никто.

Не к добру. Не к добру все это... Негоже держать болотную ночницу рядом с людьми – обязательно беду накликает.

Атари не знала, откуда появилась эта мысль. Но отчего-то на душе становилось тревожно каждый раз, когда она бросала взгляд на фигурку покалеченной нелюди. Словно холодная и скользкая лапа упыря скребла в груди.

«Зачем они притащили ее сюда?» – думала Атари, – «уж лучше бы убили... и не мучили...»

Девушка с немалым удивлением поймала себя на том, что почти жалеет нелюдь. Да, она убивала, и убивала много. Но... быть может, сказанное ночницей – правда? То, что темная нелюдь – всего лишь отражение?..

Из задумчивости Атари вывел окрик хозяина.

– Эй, ты, сонная муха! Иди-ка сюда, да пошевеливайся.

Вздвигнув, девушка обернулась – и похолодела: хозяин стоял рядом с клеткой. Почесывая блестящую лысину, он смотрел на миску... которую Атари забыла в клетке.

– Это что такое? – пухлым, как кровяная колбаса, пальцем он проткнул воздух в направлении миски, – это что такое, я тебя спрашиваю?!!

Коленки Атари задрожали. Волна ужаса поднималась в животе, подкатывая к горлу, сжимая его.

– Что молчишь, тварь?

Хозяин шагнул вперед.

– Это?... это... хозяин, она просила воды, – просипела Атари. Ее взгляд в панике метался от хозяина к клетке, где стояла злополучная миска, судорожно цеплялся за блеклые, равнодушные лица посетителей, моля о защите.

На несколько мгновений хозяин опешил. А потом взревел:

– Что??? И ты, дрянь, посмела *дать ей воды*?

И шагнул вперед.

Атари попятилась. Ноги уже не слушались ее: ужас липкой паутиной опутал все тело, как в кошмарном сне – когда хочется бежать... или закричать. Но в итоге, покрывшись ледяным потом, не можешь даже пошевелиться.

– Я... я подумала... что вы... будете недовольны, если она умрет...

Огромный кулак обрушился ей на лицо; мгновение – и Атари с трудом осознала, что лежит на полу. Перед глазами мельтешили серые точки.

– Только попробуй, только попробуй еще раз дать ей воды! – погромело откуда-то сверху, – насмерть зашибу!

Атари попробовала подняться.

– Вставай, дура, – уже чуть более спокойно прорычал хозяин, – ну, вставай! Что разлеглась? Клиенты ждут завтрак!

И тут же последовал чувствительный тычок под ребра.

Голову пронзила стрела едва переносимой боли. Атари повернулась набок, приподнялась на локте, все еще ничего не видя сквозь серую пелену.

– Вот так-то лучше, – заметил хозяин.

Затем Атари услышала его тяжелые шаги.

... Ушел.

Она с трудом села на полу, обхватила голову руками, заморгала, пытаясь унять серую мошкору перед глазами. Кто-то из посетителей засмеялся.

– Что, недотепа, досталось?

Атари скрипнула зубами. Вся левая половина лица стремительно распухла, боль билась в виске. Медленно, очень медленно, девушка сперва стала на четвереньки. Потом, вцепившись в край стола, поднялась на ноги. Каждое ее неуклюжее движение сопровождалось громким смехом.

«Вот уж, наверное, ночница потешается», – мелькнула мысль. И Атари невольно бросила взгляд на клетку.

Нелюдь и в самом деле внимательно следила за происходящим, даже голову повернула. Атари едва удержалась от возгласа: лицо ночницы было чистым, следы побоев куда-то исчезли, будто смылись водой. Без тени улыбки она смотрела на Атари; на гладком лбу, между капризно изогнутыми бровями, пролегла глубокая складка.

Девушка невольно сложила пальцы в оберегающий знак – кто знает, что на уме у чудовища?

Нелюдь снова отвернулась к стене. Подтянула к груди распухшие багрово-синюшные ноги и замерла.

... Когда посетители разошлись, а хозяин, подсчитав выручку, отправился спать, Атари все еще бродила с метлой по залу, мечтая поскорее добраться до своей лежанки. Голова

болела; скула, куда пришелся кулак хозяина, распухла, левый глаз не открывался. Впрочем, кому-кому, а ей было не привыкать.

– Значит, ты рабыня, – прошелестела нелюдь в клетке.

– Угадала, – Атари медленно возила по полу тяжелой метлой. Растоптанная картошка, кости, засохшая грязь...

Ночница завозилась в своем углу, потом медленно села. Лунный свет, сочащийся сквозь приоткрытое окно, упал на бледное лицо нелюди – и Атари вдруг подумала о том, что лицо это необычайно красиво. Странной, нечеловеческой красотой.

– Наверное, я виновата, – сказала ночница.

– Нет, не думаю, – процедила Атари, – это я должна была миску убрать.

– Ты всегда была рабыней?

– Не всегда, – Атари перестала мести и, окинув взглядом замершую нелюдь, пояснила, – Отец продал меня Хейтору за долги.

– Давно?

Девушка пожала плечами.

– Давненько. Да что тут говорить – привыкла уже.

И вдруг, сама от себя не ожидая, спросила:

– Может, ты чего хочешь? Могу дать поесть что-нибудь. Если объедками не побрезгуешь.

Нелюдь поежилась. Внимательно посмотрела на Атари – но что можно понять по страшным глазам, залитым чернотой так, что не видно зрачка?

– Ты странная девушка. Тебе не следует мне помогать. Ты должна меня ненавидеть. Но – я с благодарностью приму от тебя помощь. Как тебя зовут?

Атари помялась. Говаривали, что даже ночью нельзя вслух произносить свое имя, ибо власть нелюди велика.

– Меня зовут Кларисс, – прошелестела ночница, – не бойся, я не причиню тебе вреда. Да и – подумай сама, как я могу навредить тебе, сидя в этой клетке?

Голос ее был мягким, как бархат. Атари совсем некстати вспомнила, что как-то в трактире обедал сборщик податей, и она совершенно случайно коснулась его бархатной мантии. Так вот, голос Кларисс был именно таким – мягким, ласкающим слух, завораживающим...

Не ответив, девушка налила в глиняную кружку воды из кувшина, затем извлекла из кармашка передника горшочек с собранными объедками, которые должны были составить ее собственный ужин. С тоской подумала о том, что остается голодной, если отдаст нелюди все – а потому выложила часть на тарелку.

– Вот, возьми.

– Благодарю.

– Я всегда думала, что вы едите только человеческое мясо, – заметила Атари.

Нелюдь улыбнулась – впервые.

– Это не совсем так, если тебе интересно.

И, взяв двумя пальцами недоеденный кем-то кусок мяса, впилась в него зубами.

– Зачем же вы тогда убиваете людей?

– Такова наша природа.

Воцарилось молчание, прерываемое лишь хрустом мелких косточек на зубах Кларисс – не перебирая, она проглатывала все подряд.

– Как твои ноги? – осторожно спросила Атари.

– А ты как думаешь? – с набитым ртом промычала нелюдь.

Атари покачала головой. Что же она, в самом деле, творит? Мало того, что подкармливает болотную ночницу, да еще и сочувствует ей! Нет, не к добру все это, не к добру...

– Выпустишь меня отсюда? – вдруг спросила Кларисс и тут же усмехнулась, – не бойся. Знаю, что не выпустишь. Да и ключи от замка, небось, у твоего хозяина.

... Наутро стало ясно, что ноги Кларисс здоровы. Хоть она и прятала их тщательно под юбкой, от зоркого взгляда Атари не ускользнуло, что опухоль спала, словно ее и не было. Раздробленные кости срослись. Это казалось невероятным – и все же...

Весь день ночница просидела в углу, пялясь в одну-единственную точку на полу, шевеля бледными губами, и не обращая ни малейшего внимания на попытки клиентов расшевелить чудище.

Атари очень хотелось подойти и спросить – что ты задумала, Кларисс? Но, поеживаясь под липким взглядом хозяина, девушка даже к клетке не решалась подойти.

А на закате случилось то, чего, как огня, боятся все жители Империи со стороны Кай-эрсских топей.

... Вопли. Грохот. Конское ржание.

Дикая смесь звуков ворвалась вихрем в окна корчмы. И Атари, судорожно сжимая метлу, поняла, что это конец.

Конец ее жизни. Конец деревни.

Ибо кочевники, *свободный народ с той стороны топей*, не щадили никого.

Девушка даже не успела метнуться к спасительному подвалу, когда дверь с треском слетела с петель. В проеме, залитая кровавым светом заходящего солнца, возвышалась фигура кочевника, показавшаяся Атари просто огромной. Быть может, он и не был таким большим – но одежда из мохнатых шкур, меховой плащ, высокая меховая шапка сделали свое дело.

Девушка хотела закричать – но изо рта вырвался чуть слышный хрип. А кочевник, будто дождался сигнала, прыгнул вперед, одновременно выпрастывая из-под плаща руку с прямым, широким клинком.

Хруст. Странный хруст под ребрами. И ледящий холод, что появился – и тут же исчез.

В животе дрогнула, поднялась к горлу горячая волна.

Атари падала – медленно, будто воздух поддерживал ее ставшее таким непослушным тело. Краем глаза она успела заметить, как мужчина в меховой одежде метнулся к клетке, как вздернула алебастровый подбородок болотная ночница. Потом что-то жесткое ударило Атари вбок, и она поняла, что лежит на полу. С удивлением заметила темно-красную лужу, расплзающуюся на неструганных досках. Неужели это ее кровь? И откуда ее столько-то?!!

Стены, кочевник, клетка с ночницей – все завертелось перед глазами, подернулось дымкой. Боль в животе пылала, сжигая дотла. Но Атари все же успела увидеть, как, работая кланаясь, кочевник сбил замок с клетки, открыл дверцу. Как болотная ночница, тряхнув гривой нечесаных иссиня-черных волос, шагнула через порог, поманила к себе воина. И как молниеносным, неуловимым для человеческого взгляда движением вцепилась острыми зубами в его жилистую шею. На лицо Атари брызнуло что-то горячее, но она уже едва чувствовала это. Туман клубился перед глазами, застилая взор – и в этом тумане она уже видела спокойные воды вечной реки. И лодку, которая ждала ее...

– Ты могла умереть.

Голос, бархатный голос ночницы доносился откуда-то издалека.

Ни реки, ни лодки больше не было. Оставался только туман – страшный, багровый, опутывающий сознание своими щупальцами.

Боль тоже ушла, растворившись бесследно.

Атари попробовала вдохнуть – получилось. Приоткрыла глаза – высоко над ней темнело ночное небо с бриллиантовыми гвоздиками звезд.

А ближе... Белым алебастром тускло светило лицо Кларисс.

– Кочевники почитают ночниц, как владык Ночи, – спокойно заметила Кларисс, – я знала, что рано или поздно они придут за мной и накажут тех, кто совершил святотатство. Тебе это следует запомнить, Атари.

– Откуда... – девушка закашлялась, – откуда... ты знаешь мое имя?

Ночница усмехнулась.

– Мне ведомо твое имя... твои воспоминания... твое сердце.

Туман окончательно рассеялся. Атари лежала и смотрела на прекрасное, недостижимое ночное небо. И ей было совершенно не страшно, что рядом – зло.

– Вставай, – мягко сказала Кларисс, – нам пора идти.

– Нам? – Атари все еще не решалась пошевелиться, ожидая, что вернется боль. И чем больше она лежала, тем сильнее было чувство, что произошло нечто странное: с такой раной она непременно должна была умереть. Девушка вспомнила туман, величественно текущие воды реки, лодку...

– Нам, *сестра*, – прошелестела Кларисс.

– Что?..

– Я не хотела, чтобы ты умерла, – так же спокойно пояснила ночница, – но был только один способ, который бы позволил тебе жить. Один маленький укус – и перерождение начинается. К слову, оно еще не завершилось.

Атари закрыла глаза. Так вот что с ней стряслось... Но разве это лучше, чем просто уход в мир иной?

* * *

– Уже светает, – ехидно заметила Кларисс, – если хочешь уходить, уходи на рассвете. День – это ваше время.

Миральда молчала. Смотрела на кострище, уже подернувшееся седой золой. Потом тихо спросила:

– Твою сестру, что мы убили, звали Атари?

– Да. Увы, девочка не выдержала потрясения и помешалась. Не знаю, отчего это произошло. Иногда получают хорошие, сильные ночницы, иногда – нет...

– Лучше бы ты дала ей просто умереть, – ведьма покачала головой, – наверное, для нее это было бы лучше.

– Никто из нас не знает, что лучше, а что – нет, – сухо заметила болотная ночница, – она была мне хорошей сестрой, и теперь я тоскую. В моей груди – пустота. Холодная, как болотная жижа. Как могила под трясинной. Думаю, ты меня вполне понимаешь, ведьма.

Глава 3 Наследник

...Он увидел небо тихой, ясной ночью в новолуние, когда яркий свет двух лун не затмевает мерцания звезд. Лежа среди хрупких обломков кокона, он смотрел вверх – и не мог насытиться зрелищем холодных сверкающих капель на темно-синем небосводе.

Чуть позже, из глубин памяти, всплыли обрывочные видения – тревожные, будоражащие. Темноглазая дэйлор, когда-то склонявшаяся к нему, ее слезы, слова нежности и безысходной печали, затем – бесконечный, мрачный лес, коему не было ни конца, ни края, и, наконец – высокая рыжеволосая женщина с глазами цвета болотного мха. Не дэйлор, но – близкая и родная...

Он лежал среди обломков того, что еще недавно ограждало его тело от внешнего мира во время *перехода*, и смотрел на небо сквозь черный узор переплетенных между собой ветвей.

А потом... пришел Зов, которому было невозможно воспротивиться. И, как ни хотелось ему снова увидеть рыжеволосую женщину, которая носила его на руках, зов из самого сердца Дэйлорона заставил его подняться и идти.

* * *

Зов овладел им полностью; как паук свою жертву, оболочек мутным коконом сознание, оставив только одно – имя. *Шениор д'Амес*.

Не чувствуя под собой ног и не останавливаясь ни на мгновение, Шениор бежал вперед и вперед, и хищники, хранители лесов, уступали ему дорогу, чувствуя зов Дэйлорона также хорошо, как и он сам.

Зов хранил Шениора, обводя вокруг гиблых топей, становился сильнее с приближением священной земли. И сознание вязло в нем, как комар в капле свежего меда.

* * *

Потом все стихло. Зов отпустил свою жертву, словно давая возможность осмотреться и как следует осознать происходящее.

Шениор обнаружил себя стоящим посреди небольшой прогалинки. За его спиной лес был самым обычным, а впереди... О, впереди молчаливыми стражами стояли огромные седые ели.

– *Деревья Дэйлорона*, – подсказала услужливо память тех, кто жил раньше.

И Шениор ничуть не удивился этому; он знал, что все должно быть именно так.

Бурным потоком в тело хлынула усталость. Ведь, с какой стороны не смотри – он бежал, словно безумец, не один день. Колени подогнулись, и Шениор упал в высокую траву, все еще не отрывая взгляда от седых великанов.

Теперь, когда зов отступил, он начал ощущать жажду и голод; горло сжималось, язык стал шершавым, как терка.

А вокруг застыла звенящая, тревожная тишина; словно Дэйлорон приглядывался и прислушивался к происходящему. Тишина показалась дэйлор столь тягостной, что он сказал вслух самому себе:

– Вперед, Шениор, вставай. Осталось немного...

И так впервые услышал собственный голос, и обрадовался этой открытой вновь способности. Хотя, конечно же, он знал, что все дэйлор умеют разговаривать.

– *И воды Поющего озера обнимут тебя*, – прозвучало в сознании, – *ты всегда будешь принадлежать мне, мое возлюбленное дитя*.

Это была не память предков, что-то другое – но не менее значимое для всех дэйлор, это Шениор почувствовал сразу. Потянувшись сознанием к этому *нечто*, он ощутил теплое дуновение на лице, мягкое прикосновение, словно кто-то гладил по щеке легким перышком – и все исчезло. Дэйлор в недоумении попробовал еще раз соприкоснуться с таинственной сущностью, но на этот раз ничего не вышло. То, что говорило с ним, исчезло бесследно. Или затаилось, поджидая.

Вздыхнув, Шениор поднялся на ноги и, пошатываясь от усталости, побрел в сторону древних деревьев.

Его окликнули.

– Стой! Лучше не двигайся, а то получишь стрелу в глаз!

Голос был молодой и звонкий. Девчоночий.

Шениор замер, поднял руки вверх, чтобы невидимая лучница убедилась в его безвредности. Повертел головой, пытаясь определить, где она притаилась – безуспешно.

– Ты кто такой и что здесь делаешь? – звонкий голосок донесся уже с другой стороны.

Шениор вдохнул поглубже.

– Меня зовут Шениор д'Амес и я пришел, повинуюсь Зову!

Отчего-то он был уверен, что всем дэйлор известен голос земли, их породившей.

Воцарилось молчание, словно женщина размышляла над услышанным.

– Д'Амес? Это же один из Правящих домов! Зачем лжешь?

– Но ты же не будешь отрицать то, что я дэйлор? – крикнул в ответ Шениор, – Позволь мне пройти, я долго шел сюда, не останавливаясь, без еды и питья!

– Ни один добропорядочный дэйлор уже много лет не покидал границ Дэйлорона! Ты, случаем, не подрядился ли шпионить в пользу людей, а?

Шениор скрипнул зубами. Дура. Упрямая дура. Как ей объяснить, что он *должен* пройти? Что Зов не оставит его, будет сводить с ума изо дня в день?

– Пожалуйста! – уже из последних сил крикнул Шениор, – позволь мне пройти! Иначе...

– Что – иначе? – голос стал злым, недоверчивым.

Накатила волна слабости. Ну хотя бы глоточек воды...

И Шениор, картинно взмахнув руками, упал навзничь в прохладную траву.

...Легкий шелест шагов.

– Эй. Ты что это?

Сквозь ресницы он увидел молоденькую девушку, черноглазую и черноволосую – в общем, какой и должна быть дэйлор. Ее худое, бледное лицо не было ни красивым, ни уродливым. Самое обычное, ничем не примечательное лицо – и тонкий белый шрам через острый подбородок, словно от глубокой царапины.

В тонких косичках тихо постукивали друг о дружку костяные бусины, и Шениору вдруг померещилось, что выстукивают они вполне определенный мотив.

Она была одета в зеленую курточку и светло-коричневые штанишки с бахромой по бокам. В руках дэйлор держала...

– *Заряженный арбалет*, – снова пришла на помощь память предков, – *если она разрядит его, повторно уже не успеет зарядить...*

– А ну, вставай, – она нахмурилась, закусил губу, – что это ты мне тут надумал?

Шениор подкатил глаза и захрипел.

Девушка выругалась – совсем не по-женски – помянув всю родню «этих треклятых сумасбродных бродяг». И, видя, что растянувшийся в траве дэйлор не шевелится, опустила арбалет.

Шениор рванулся вверх и вперед, прилагая едва мыслимые усилия, чтобы заставить слушаться ослабевшее тело – и изо всех сил рубанул ребром ладони по хрупким девичьим запястьям. Арбалет отлетел в сторону, выпустив стрелу куда-то в небо; девушка вскрикнула, но среагировала почти мгновенно, неуловимым, текучим движением выскользнув из-под следующего удара.

Еще миг – и Шениор замер, чувствуя, как врезается в шею лезвие ножа.

– Ну, и что теперь? – холодно поинтересовалась дэйлор, – я могу прирезать тебя, как жабоглота. Но – честное слово – мне претит резать таких проворных ребят. Говори, что ты здесь делаешь, и каким образом оказался вне Дэйлорона.

– Я уже говорил, – огрызнулся Шениор, – меня привел Зов. Я покинул кокон вне Дэйлорона. Да посмотри на меня! Неужели ты думаешь, что разгуливать голым по лесу – мое любимое занятие?! Я требую – да, требую, чтобы ты меня пропустила, а еще лучше – чтобы отвела...

– *Твое место в королевском дворце, – прошелестела упрямая память, – твое происхождение высоко, не забывай об этом. Никогда...*

Он удивленно моргнул. И, уже не так решительно, добавил:

– Во дворец. Мне нужно во дворец.

Девушка усмехнулась, отчего четко обозначились морщинки, протянувшиеся от крыльев носа к уголкам красивого рта. Но нож не убрала.

– А не слишком ли это для тебя, а? Назваться д'Амес – да еще и требовать, чтобы тебя сразу отвели во дворец? Нет, сперва я поведу тебя в сторожевую башню. Там ребята с тобой побеседуют. Давай сюда руки, а то больно ты проворен для умирающего от жажды.

Она со знанием дела перетянула Шениору запястья ремешком, подобрала арбалет. Покачала головой, отчего снова весело перестукнулись бусины в косичках.

– Еще никому не удавалось меня обезоружить.

Дэйлор промолчал.

– Так что ты, будь любезен, поменьше говори о том, что арбалет у меня из рук выбил. Договорились?

– Договорились. Как тебя зовут?

– Не твое дело, – обрубил страж границ, – иди вперед. Сейчас будешь рассказывать свои байки Кьеверту.

...Шли долго. Шениор, не взирая на страшную усталость и жажду, с любопытством вертел головой. Правда, кроме величественных елей не видел ничего интересного. Потом он подумал, что, скорее всего, так и должно быть в приграничной зоне – только лес, лес и лес, скрывающий зорких *стражей границ*.

Девушка неслышно скользила следом за ним, ни на мгновение не опуская арбалет и время от времени указывая, куда свернуть. Голос ее сочился раздражением и гневом, и Шениор не совсем понимал, отчего она так злится.

– Все, пришли, – наконец сказала дэйлор.

Шениор изумленно огляделся – они стояли перед толстенным, в несколько охватов, стволом секвойи. Девушка постучала по коре.

– Геланс, Лирт! Откройте, остолопы! – и тут же, окинув пленника ехидным взглядом, добавила, – У меня тут кое-кто оч-чень любопытный!

Часть коры с тихим шелестом отодвинулась в сторону, и Шениор увидел, что ствол внутри пуст. У лаза стояли два высоких дэйлор, в таких же зеленых куртках и коричневых штанах, как и девушка; Шениору они показались похожими друг на друга, как братья.

– Вот, полюбуйте, – сказала она, – утверждает, что принадлежит к дому д’Амес. И это при том, что единственная личинка короля Кейлора была сожжена, как и полагалось, а всех взрослых д’Амес мы с вами знаем наперечет. И ни один из них не покидал Дэйлорона.

– Я вышел из кокона за пределами Дэйлорона, – пробормотал Шениор, – и я не сумасшедший. Я Шениор д’Амес.

Один из дэйлор покачал головой. Окинул Шениора цепким взглядом.

– Любопытно. Где ты его нашла, Миртс? Мне кажется, он похож...

– Где-где, на границе, конечно же, – недовольно буркнула дэйлор, – можно еще и Кьеверта позвать. Пусть послушает.

* * *

Его усадили за стол, так и не развязав рук. Миртс о чем-то пошептала со своими приятелями, затем один из них куда-то ушел. Остались втроем. Чуть погодя, Миртс бросила ему на колени плащ.

– На, прикройся.

Она поставила перед Шениором кружку воды. Самую обычную глиняную кружку, в каких вода долго остается холодной и свежей. Потом дэйлор молча наблюдали, как Шениор, позабыв о всякой гордости, торопливо глотал спасительную влагу, разливающуюся по горлу живительным бальзамом.

– Похоже на то, что ты в самом деле давно не пил, – заметил дэйлор и представился, – меня зовут Геланс. Налить еще?

Шениор только затряс головой, пожирая глазами благословенный сосуд.

– Откуда ты взялся, Шениор? – поинтересовалась Миртс, – дело в том, что сказка о том, что ты – д’Амес, мало кому понравится.

– Но я в самом деле д’Амес. Почему я должен это скрывать?

Геланс расхохотался.

– Быть может, тебе и придется это скрывать. Если только это правда. Я хочу, чтобы ты поведал нам, что делал в людских землях.

Этот дэйлор казался вполне дружелюбным, в отличие от Миртс, которая сильно напоминала разгоряченную дракой куницу. Шениор постоянно ощущал на себе ее недоверчивый, колючий взгляд – и чувствовал, что она злится, но не мог понять причины.

– Лирт отправился за капитаном стражей Кьевертом д’Сошер. Слышал о таком? Младшая ветвь дома д’Сошер, высокорожденный, которому заказан трон... – Геланс чуть склонил голову набок, продолжая внимательно разглядывать пленника.

– Нет. – Шениор покачал головой, – как я мог слышать о нем, если покинул кокон за пределами Дэйлорона?

Черные глаза Миртс недобро сузились.

– Чушь. Как мог ты покинуть кокон за пределами нашего государства, если за последние годы ни один дэйлор, кроме шпионов, не покидал королевства?

Шениор вздохнул. Как заставить их поверить в собственную историю, которую сам он едва-едва помнит?

– Я не могу сказать вам, как очутился вне Дэйлорона. Помню лишь одно лицо – это была человеческая женщина. Она кормила меня, пока я был личинкой. Потом... Что-то случилось. Что-то очень плохое... А позже началось мое перерождение. Когда я открыл глаза, то услышал Зов, и не мог ему противиться. Дэйлорон позвал меня – и вот я здесь.

Миртс скептически хмыкнула и отвернулась. Геланс хохотнул, хлопнул Шениора по плечу.

– Не обращай на нее внимания, приятель. Миртс всегда такая. Уж очень ей не нравится быть просто стражем границ...

– Замолчи, – вдруг зашипела девушка, – замолчи!

Окатив Шениора и Геланса взглядом, исполненным воистину ледяного презрения, Миртс уселась на лавку и принялась перебирать стрелы, пробуя пальцем наконечники.

– Вообще, должен тебе сказать, в последнее время что-то неладное творится в людских землях, – задумчиво пробормотал Геланс, – поступают сведения, что император собирает армию. Будет война – но только вот с кем?

Шениор пожал плечами.

– Я ничего не знаю о том, что творится в тех землях. Увы.

Геланс нахмурился.

– Смотрю я на тебя и думаю... Либо все, тобой сказанное, ложь, либо ты и в самом деле покинул кокон вне Дэйлорона. Память предков, несомненно, с тобой, но о многих вещах ты не имеешь ни малейшего понятия.

В этот момент Миртс вскинулась, отложила стрелы.

– Кажется, Кьеверт пришел. Открывай.

Шениор невольно залюбовался ее грацией, но тут же одернул себя. Ему, сидящему в охранке за столом, совершенно голому, следовало подумать о том, что рассказать Кьеверту, а не глазеть на девицу. Тем более, что ни о какой взаимности и речи быть не могло.

Между тем в комнатку вошел Лирт; за ним – немолодой дэйлор, чьи волосы, заплетенные в две толстые косы, щедро посеребрило время. Лицо его – впрочем, как и лицо всякого немолодого жителя Дэйлорона, было оплетено сетью тонких, но глубоких морщин. Одет он был побогаче, нежели стражи границ: особенно Шениора впечатлила зеленая куртка из блестящего... *атласа*, расшитая на груди золотыми звездами. Под курткой белел ворот рубахи, скромно украшенный узкой полоской кружева.

И Геланс, и Миртс одновременно, как по команде, вытянулись, почтительно опустив головы – именно так младшие в *иерархии* должны вести себя в присутствии старших. Кьеверт коротко кивнул им, отвечая на приветствие; но взгляд его, колючий, как ветка серебрястой ели, уже сверлил Шениора.

И молодой дэйлор почувствовал себя очень и очень неуютно под этим цепким взглядом. Но опускать глаза, как младший, не собирался – ибо уже *знал*, что происхождение его ничуть не ниже происхождения Кьеверта.

Тот, ожидавший, видимо, несколько иной реакции, приподнял левую бровь; повернулся к Миртс.

– Лирт уже рассказал мне, что ты нашла на границе этого мальчишку, который выдает себя за наследника Дома д'Амес. Где это произошло?

И, бросив недовольный взгляд на Шениора, ехидно заметил:

– Он настолько уверен в этом, что не считает нужным почитать старших.

Миртс неуверенно подняла взгляд на холеное лицо Кьеверта.

– Я нашла его, *акташи*, недалеко от тритоньих нор со стороны южных болот. Этот дэйлор пришел из людских земель и утверждал, что вышел из кокона вне Дэйлорона, и что принадлежит дому д'Амес. Мне... показалось это подозрительным, и я предпочла доставить его сюда – для выяснения *истинных* обстоятельств его появления.

– Ты поступила правильно, – заметил Кьеверт, – Куницы были бы тобой довольны.

Шениор непонимающе посмотрел на Миртс. Куница, значит... но память предков отмалчивалась пока, а сам он не знал, о чем идет речь. Только, на удивление, Миртс от слов капитана побледнела и прикусила губу.

А внимание Кьеверта уже плавно перетекло на пленника.

– А ты, мальчик, что мне расскажешь?

Шениор коротко передернул плечами. И повторил все, уже рассказанное чуть раньше Гелансу.

– Я не понимаю, почему вы мне не верите. Не знаю, почему я оказался вне Дэйлорона, но что теперь можно изменить? Я знаю, что д'Амес...

И вдруг – словно кто-то другой заговорил вместо Шениора.

– И готов пройти испытание Поющим Озером, чтобы доказать свою правоту.

В охранке воцарилась тишина. Стало слышно, как под золотистыми сводами потолка пищит неведь откуда взявшийся комар. Дэйлор, включая и Кьеверта, во все глаза смотрели на него – и молчали, словно были не в состоянии произнести ни слова.

Первым опомнился капитан стражей. Выдав из себя улыбку – вымученную, скорее похожую на оскал, пробормотал, что ему нужно кое с кем побеседовать, и торопливо вышел.

Потом дар речи обрела Миртс.

– Ты, видно, и впрямь безумец. Жить надоело, а?

– Я не знаю, что это за испытание, – только и пробормотал Шениор, – голос Дэйлорона подсказал мне это...

– Ах, ты не знаешь! – девушка уперлась кулачками в столешницу, наклонилась к Шениору так, что ее черные, блестящие косы оказались совсем рядом. Так, что можно было прикоснуться к ним... Голос ее внезапно упал до шепота.

– Так вот, послушай меня, глупец. Испытание Поющим Озером заключается в том, что тебя отвезут на лодке в самое глубокое место, привяжут к ногам сетку с булыжниками, свяжут руки, и столкнут в воду. Я видела однажды, как это происходит, и Геланс видел... Если ты сможешь выбраться из воды, то это будет означать признание тебя Поющим озером – и все поверят в то, что ты действительно наследник дома д'Амес!

Ее красивое лицо перекошилось от гнева, и Шениор все никак не мог понять, отчего Миртс так злится.

– Нам довелось увидеть испытание дэйлор, которого обвиняли в убийстве – но он утверждал, что невиновен. Да он и был невиновен, понимаешь?! Его попросту утопили. Лучше откажись от своих слов, пока не поздно!

– Но я д'Амес, – выдохнул дэйлор.

– Ты просто безумец! – обрубил Миртс. Выпрямившись, отошла. Кивнула двум стражам:

– Можно было просто пристрелить его, там, на полянке...

Геланс хмуро пожал плечами.

– Мне кажется, Миртс, ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

– Мне просто жаль этого дурака, – процедила дэйлор, складывая руки на груди, – может быть, я одна из куниц, но это не значит, что мое сердце – камень.

Шениор почувствовал, как по позвоночнику словно провели холодным клинком. По коже побежали мурашки. Быть может, в чем-то он ошибся?

– А кто-нибудь выдерживал Испытание? – просто спросил он.

Миртс яростно выругалась и отвернулась.

– Не могу больше это слушать. Объясни ему, Геланс.

Дэйлор кисло улыбнулся.

– Ээ... видишь ли, Шениор... Существует легенда, в которой речь идет о том, что когда-то, когда люди еще не строили городов, а того, что они называют империей, не было и в помине, один знатный дэйлор был обвинен в коварном убийстве. И не кого-нибудь, а короля. Так вот, убийца предложил Испытание – заведомо безнадежное. Быть может, он предпочитал утопиться вместо того, чтобы быть повешенным. Но случилось чудо – и он выплыл. Уж не знаю, как ему удалось освободиться... И главам правящих домов не оставалось ничего

иного, как признать его невиновным. Но это – легенда. Прости, приятель – больше не знаю никого, кто бы выплыл.

В этот миг, ступая неслышно, как лесной кот, в комнату вошел Кьеверт.

– Дайте ему какие-нибудь штаны. Лорд Каннеус ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.